„РОДНАЯ РѢЧЬ“

№ 87.

С. Елпатьевскій.

О томъ, что будетъ...

Ничего не подѣлаешь.

Цѣна 8 коп.

Librairie Russe & Française
L. ROBSTEIN
17, - Rue Cujas, - 17
PARIS

Изданіе Т-ва „Родная Рѣчь“
Москва
1917.

С. Елпатьевскій.

О томъ, что будетъ...

I.

Что будетъ послѣ войны? Быть можетъ, скажутъ: гадать безполезно и притомъ преждевременно, такъ какъ будущее зависитъ отъ того, чѣмъ кончится война, кто будетъ побѣдителемъ, какъ перестроится Европа въ географическомъ, политическомъ и иныхъ отношеніяхъ.

Да, конечно, но все же гадается и не уйдешь отъ этихъ гаданій. И потомъ всѣ гадаютъ, и друзья, и враги, и гаданія уже облекаются въ реальную форму, — собираются совѣщанія именно въ цѣляхъ предвидѣнія будущаго, учреждаются коммиссіи, съ цѣлью не столько регулировать настоящее экономическое положеніе, сколько предусмотрѣть будущее и пойти на встрѣчу этому будущему...

Да, конечно, результаты войны и условія мира опредѣлятъ очень многое, но кое-что въ общихъ контурахъ уже успѣло обозначиться съ достаточной ясностью. За спиной войны, и, пожалуй, для многихъ, всецѣло поглощенныхъ сегодняшнимъ днемъ, за предѣлами сознанія, уже творится будущее, — что-то отмираетъ и отпадаетъ, какъ изжившее себя, ненужное, лишнее, и что-то нарождается, нестойкое и не вполнѣ сложившееся, но неизбѣжное, неуклонное. И, чѣмъ бы война ни кончилась, это новое войдетъ въ жизнь независимо отъ желаній и воли людей, такъ какъ это повелительно диктуется всѣмъ тѣмъ неимовѣрно огромнымъ и новымъ, что вскрылось въ теперешнюю войну и чего въ безконечно большихъ размѣрахъ и еще болѣе повелительно потребуетъ будущая война. Если она будетъ...

* *

Намъ, современникамъ, и нынѣшняя война представляется неимовѣрно огромной и невообразимо страшной. На сколько тысячъ верстъ тянется теперь линія фронта, гдѣ сражаются люди?

И это не просто соприкасающіяся границы воюющихъ государствъ, гдѣ возможны сраженія, это фактическій фронтъ, гдѣ, какъ, по крайней мѣрѣ, на самыхъ главныхъ, восточномъ и западномъ, фронтахъ, войска стоятъ плечо къ плечу, непрерывно, день и ночь — сражаясь вотъ уже почти три года. И это не узенькая полоска земли, по которой маневрируютъ, проходятъ войска. Съ теперешними пушками, стрѣляющими на 20 верстъ и больше, съ огромной линіей укрѣпленій, съ резервами и обозами, сложной линіей желѣзнодорожныхъ тыловыхъ линій, фронтъ на той и другой сторонѣ занимаетъ широкую полосу, гдѣ вся земля изрыта укрѣпленіями, засыпана снарядами, обезлюжена, сдѣлана надолго непригодной для земледѣлія, для использованія человѣкомъ. . И не только въ ширину. Газеты сообщаютъ, что подземныя сооруженія для войскъ уходятъ въ землю, случается, на глубину до 10—15 метровъ, то-есть на 7 саженъ.

А по морю ходятъ корабли-крѣпости; выстроить и оборудовать каждый изъ нихъ стоитъ не одинъ десятокъ милліоновъ. Носятся со скоростью курьерскихъ поѣздовъ миноносцы и контръ-миноносцы, а подъ водой подводныя лодки, которыя въ минуту могутъ взорвать корабли-крѣпости, а, съ другой стороны, сѣти, что протянуты отъ поверхности до дна, отъ береговъ Англіи до береговъ Франціи, чтобы ловить подводныя лодки. А въ небѣ плаваютъ воздушные корабли, оборудованные пушками и пулеметами, и ведутъ сраженія другъ съ другомъ и бросаютъ на землю зажигательные снаряды и чудовыя бомбы, чтобы взрывать крѣпости и корабли, вокзалы и поѣзда, города и деревни и убивать женщинъ и дѣтей, что ѣздятъ

Все новые пріемы войны. Невиданныя пушки, выбрасывающія снаряды въ 42 пуда, пулеметы, всяческихъ сортовъ газы, горячія и горящія жидкости, которыми заливаютъ людей, сидящихъ въ окопахъ.

Сколько милліоновъ солдатъ сражается теперь на протяженіи указанныхъ тысячъ километровъ? Взяты на войну мужчины отъ 19 лѣтъ до 40—45, и въ одной изъ воюющихъ странъ отъ 18 до 50 лѣтъ, а тѣ, которые остались стоять у рабочихъ станковъ, учтены, какъ солдаты въ строю, или работаютъ на войну въ другой области. Гдѣ теперь резервъ, гдѣ старый тылъ? Вся страна тылъ, все непризванное населеніе — резервъ, все оно въ нѣкоторомъ родѣ нестроевая военная часть.

И развѣ внутри воюющихъ государствъ жизнь та же, что и въ прежнія войны? Въ Германіи государство опредѣляетъ потребленіе и производство, помимо принудительнаго обслуживанія военныхъ нуждъ, оно диктуетъ заводчикамъ и промышленникамъ, что можно производить и чего нельзя, купцамъ — чѣмъ можно торговать и чѣмъ нельзя. Въ Англіи государство также регламентируетъ производство и закупило огромныя количества всякаго мяса, муки, сахару, почему многіе торговцы Англіи являются по существу приказчиками государства, а не самостоятельными хозяевами.

Наименѣе организована оказалась во время войны Россія, но и ее логика жизни, новыя требованія войны неудержимо толкаютъ на путь этой новой государственной организованности. Извѣстно, какъ теперь производится работа въ нѣкоторыхъ производствахъ. Казна доставляетъ на фабрику сырье, положимъ — шерсть, казна даетъ образцы и указываетъ, сколько и какихъ шерстяныхъ матерій должна выработать фабрика — при этомъ она не можетъ работать ничего „неуказаннаго“, и казна расплачивается добрыми русскими цѣнами, весьма неубыточными для владѣльца. И владѣльцу-собственнику въ сущности нечего дѣлать на своей фабрикѣ и вообще въ своемъ дѣлѣ, —

искать рынки, оглядываться на конкурентовъ — и онъ могъ бы безъ особаго ущерба уѣхать на Сандвичевы острова, въ Новую Зеландію на все время войны.

Гдѣ же теперь принципъ конкуренціи и „свободной игры интересовъ“ — эта неприкосновенная основа и великій двигатель и регуляторъ экономической жизни цивилизованнаго государства, когда это самое государство является главнымъ купцомъ, вырываетъ у частныхъ людей продукты, назначаетъ таксы, реквизируетъ и пр., и пр.

Измѣнились не только методы, но, такъ сказать, и манеры войны, тѣ подобія рыцарскихъ турнировъ, что оставались въ ней, — взаимныя салютованія и всякіе вѣжливые жесты, — отпали и во всякомъ случаѣ ослабли договоры, уговоры не трогать мирныхъ городовъ и мирныхъ жителей, брать въ плѣнъ и обращаться съ плѣнными, какъ съ рыцарями, впавшими въ несчастіе, или съ мореплавателями, потерпѣвшими кораблекрушеніе, и такъ далѣе.

Война стала проще, откровеннѣе и какъ бы полнѣе, ярче осуществляя идею войны, глубже вскрывая ея подлинную, не затушеванную, сущность. Пожалуй, и не только войны, но и вообще международныхъ отношеній. Гдѣ эти договоры, соглашенія, фикціи и иллюзіи права, справедливости и морали, поскольку они касаются международныхъ отношеній? Гдѣ эти фикціи и иллюзіи, которыя по нѣкоему негласному уговору вчера еще выдава.. за нѣчто подлинное и дѣйственное?

*

Есть мнѣніе, что война кончится ни въ чью, что не будетъ ни несомнѣнной побѣды, ни сокрушительнаго пораженія, что люди разойдутся по своимъ угламъ къ status quo ante bellum. И не будетъ крупныхъ перемѣнъ, ни на картѣ Европы, ни въ политической, ни въ экономической области, ни въ моральномъ обликѣ. Пройдутъ страшные, кровавые дни, и вернутся люди подъ свои смоковницы, жить да поживать, да добра наживать, мирно,

потихоньку да полегоньку, какъ раньше поживали и наживали, землю обрабатывать, торговать, сукна на свой страхъ и на всякіе вкусы дѣлать, служить, купоны рѣзать и.. готовиться къ новой войнѣ. И пролежавшая болѣе двухъ лѣтъ на печи давно хроменькая справедливость нищей старухой снова побредетъ по міру, стучаться подъ окнами и поминать Христово имя..

Такъ ли это? Вѣрнѣе, все ли это такъ будетъ? Нѣтъ, не такъ, и многое будетъ не такъ, какъ раньше...

II.

Будущее человѣчества, по крайней мѣрѣ Европы, мыслимо только въ двухъ видахъ или вѣчнаго мира и немедленнаго разоруженія странъ или непрестаннаго, со дня заключенія мира, приготовленія къ новой, еще болѣе обширной и болѣе страшной войнѣ.

Думать о возможности вѣчнаго мира, о томъ, чего такъ хочется и что многіе допускаютъ, какъ возможное, думать, что теперешняя война будетъ послѣдняя, — значитъ допускать, что измѣнится роль государства, самое понятіе государства и на новыхъ, небывалыхъ въ исторіи міра основаніяхъ и принципахъ сложатся будущія международныя отношенія. И не вѣрится этому, — слишкомъ хорошо это было бы, тогда всѣ были бы побѣдители и всѣ ликовали бы, и какъ-то люди не подошли еще къ этой точкѣ. Быть можетъ война, если она еще затянется и ожесточится, приведетъ къ этому людей, но пока, думается, рано говорить о послѣдней войнѣ.

Есть срединное мнѣніе, что народы испугаются, когда оглянутся на результаты войны, и приложатъ всѣ усилія, чтобы гарантировать, по крайней мѣрѣ, продолжительный миръ и для этого ограничить вооруженія и установятъ нѣкоторыя международныя гарантіи, чтобы миръ не могъ быть нарушенъ единичной злой волей и въ ближайшемъ будущемъ. А за время долгаго отдыха мирная эволюція государствъ и народовъ настолько подвинется, что война

сдѣлается уже немыслимою и отомретъ изъ жизни, какъ изжившее себя, ненужное, лишнее.

Возможно, что здѣсь есть доля правды и нѣкоторыя изъ этихъ пожеланій-надеждъ сбудутся, — въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, но существа дѣла это не измѣнитъ. Теперешняя война такъ страшна и такъ напугала и еще напугаетъ людей, что уже одинъ призракъ войны заставитъ народы настораживаться и лихорадочно готовиться къ возможности войны. А призракъ, даже, быть можетъ, и не одинъ призракъ, останется, такъ какъ трудно себѣ представить форму, а, главное, прочность и убѣдительность, международныхъ гарантій, которыя бы предохранили и отъ нарушенія мира, и отъ разныхъ формъ подготовки къ войнѣ.

*

Итакъ, готовиться къ новой войнѣ... Что это значитъ? Къ войнѣ оказались всѣ неподготовленными, всѣмъ приходилось готовиться во время самой войны, наспѣхъ придумывать новые методы, замѣнять то, чего недоставало, подъ громъ пушекъ перестраивать свою экономическую жизнь и нѣкоторыя гражданскія отношенія. Значитъ, готовиться нужно будетъ и раньше, и тщательнѣе, обширнѣе, такъ какъ будущая война будетъ настолько огромнѣе и страшнѣе (и прежде всего дороже), что будущіе дѣятели той войны станутъ, быть можетъ, говорить о теперешней войнѣ съ такимъ же пренебреженіемъ, съ такой же снисходительной усмѣшкой, съ какой говорятъ теперь о Наполеоновскихъ войнахъ, въ которыхъ вѣдь тоже участвовала почти вся Европа.

Въ какихъ комбинаціяхъ встанетъ война будущаго, какъ великъ будетъ фронтъ и сколько народу будетъ сражаться на этомъ фронтѣ, — конечно, нельзя предугадать, но техническій прогрессъ несомнѣнно страшно подымется, такъ какъ огромное количество умственной энергіи будетъ направлено на изобрѣтеніе новыхъ методовъ войны и раз-

рушенія. Быть можетъ, явятся пушки и снаряды, размѣръ и разрушительную мощность которыхъ нельзя сейчасъ и вообразить, быть можетъ, подводныя лодки будутъ, какъ дредноуты, или дредноуты будутъ плавать и надъ водой и подъ водой, какъ гидроаэропланы и летаютъ и плаваютъ, а аэропланы будутъ настоящими громадными воздушными кораблями, которые будутъ свободно летать отъ Берлина до Владивостока и засыпать землю бомбами, заливать огненнымъ дождемъ, сметать съ лица земли города и крѣпости и все живущее. И глубоко въ землѣ будутъ крѣпости и лагери, цѣлые города, и будутъ сражаться тамъ въ землѣ другъ съ другомъ невиданными нами новыми способами...

И одно несомнѣнно: втянутая въ войну страна будетъ вся воевать, всѣ, способные носить оружіе, будутъ взяты на войну, и не будетъ фантазіей допустить мысль, что женское населеніе въ этой или иной формѣ будетъ тоже призвано и учтено. Всѣ стороны жизни будутъ подчинены одному — войнѣ, и прежде всего хозяйственная жизнь страны.

Съ перваго же дня, на завтра же послѣ заключенія мира...

И прежде всего придется добывать деньги, искать новыхъ источниковъ, такъ какъ старыхъ будетъ недостаточно. Понадобятся колоссальныя деньги. Нужно будетъ расплачиваться за теперешнюю войну, платить по милліарднымъ займамъ, возстановлять на протяженіи тысячъ верстъ разрушенные города и деревни, раззоренныя хозяйства и промышленныя предпріятія, нужно содержать громадную армію, которую нельзя будетъ просто распустить, — армію больныхъ и всякихъ увѣчныхъ, платить пенсіи сотнямъ тысячъ семействъ, которыя останутся безъ отца, безъ кормильца-работника, пріютить и воспитать огромное количество дѣтей, которыя уже остались и еще останутся круглыми сиротами, безпріютными и безпризорными...

И нужно готовиться тратить деньги на новые пушки и снаряды, на оборудованіе границъ надземными и подземными крѣпостями, на дредноуты и подводные корабли, на воздушные корабли, на газы и противогазы и пр., и пр.

Откуда взять денегъ на всѣ эти нужды? Разсчитывать на старыя, обычныя, даже повышенныя, поступленія нельзя.

И косвенные налоги, и подоходный налогъ, и налогъ на наслѣдства, на незаработанную прибыль, на военную прибыль, разные виды военнаго налога, — все это растяжимо до извѣстной степени и всего этого едва ли хватитъ на указанныя потребности. Много говорятъ теперь о развитіи производительныхъ силъ въ странѣ, объ интенсификаціи промышленной жизни, — но сразу это не дѣлается и не на другой день являются плоды.

Для западно-европейскихъ странъ съ ихъ устойчивой, давно и крѣпко налаженной, гражданской жизнью, съ ихъ великими всякими „сбереженіями", съ огромнымъ опытомъ и превосходно организованнымъ кредитомъ, съ ихъ высокимъ техническимъ уровнемъ, — эта задача, быть можетъ, не такъ еще трудна, но такимъ отсталымъ въ гражданскомъ и промышленномъ отношеніи странамъ, какъ Россія, предстоятъ великія испытанія, и указанная задача явится чрезвычайно трудной. И, напримѣръ, подоходный налогъ, такой огромный, трудно истощимый рессурсъ въ Англіи, — въ Россіи, столь богатой бѣдными гражданами, этотъ, только-что утвержденный, налогъ, являясь крупнымъ соціально-психологическимъ фактомъ, окажется ничтожнымъ предъ огромностью предстоящихъ финансовыхъ задачъ.

И даже развитіе производительныхъ силъ, о чемъ больше всего говорятъ въ Россіи и на что возлагается особенно много надеждъ, очень не скоро можетъ явиться такимъ источникомъ удовлетворенія финансовыхъ нуждъ страны, несмотря на то, что эти силы именно въ Россіи наиболѣе обѣщаютъ и наименѣе использованы. Изъ практики другихъ странъ явствуетъ, что эти производительныя силы просыпаются и расцвѣтаютъ явочнымъ поряд-

комъ, а не по нарядамъ и благословенію участка, что онѣ не терпятъ ни препонъ, ни стекляннаго колпака, оберегания и поощренія, что онѣ требуютъ широкихъ, никого не стѣсняющихъ, гражданскихъ нормъ, развитія просвѣщенія, низшаго, средняго и высшаго, образованія общаго и профессіональнаго, образованныхъ и умѣлыхъ инженеровъ, химиковъ, механиковъ, геологовъ, агрономовъ, всякаго рода техниковъ, квалифицированныхъ, спеціально подготовленныхъ, рабочихъ и многаго другого, что нужно еще добывать и вводить въ жизнь и добываніе чего представляетъ само по себѣ большія трудности. И всякаго рода техническіе люди, и университеты, и техническія высшія школы, и профессіональныя училища, и всякія лабораторіи, научныя станціи и институты не сразу являются, и оборудованіе всѣмъ этимъ Россіи потребуетъ долговременнаго и крупнаго расходованія опять-таки денегъ, пока „производительныя силы“ сами станутъ обильнымъ источникомъ средствъ.

Придется искать другихъ источниковъ. Искать, конечно, тамъ, гдѣ ихъ легче всего найти, откуда отдѣльныя группы лицъ уже добываютъ крупныя средства. Создавать монополію, монополизировать предпріятія, и теперь уже широкія, объемлющія цѣлыя отрасли промышленности, — и далеко проведенная линія синдицированія нѣкоторыхъ изъ нихъ только поможетъ и облегчитъ дѣло перехода этихъ предпріятій въ руки государства, — такихъ, какъ желѣзнодорожное дѣло, всякіе виды страхового дѣла, сахарныя, чайныя, спичечныя, табачныя монополіи, быть можетъ, въ той или иной формѣ наложить государственную руку на добычу нефти, каменнаго угля, на нѣдра вообще.

Возможно, что государство въ той или иной формѣ наложитъ руку на нѣкоторые посредническіе доходы, извлекать которые государству будетъ, конечно, не труднѣе, чѣмъ банкамъ, такъ широко развившимъ свои посредническія операціи.

Есть основаніе думать, что однимъ изъ первыхъ новыхъ фактовъ жизни послѣ войны будетъ болѣе широкое и болѣе энергичное вмѣшательство государства въ промышленную жизнь, въ сферу частныхъ интересовъ,—огосударствленіе нѣкоторыхъ областей хозяйственной жизни страны. И дѣло здѣсь не только въ поискахъ новыхъ источниковъ финансовыхъ средствъ, — къ тому же будетъ толкать государство необходимость пересмотра и перестройки всей хозяйственной жизни страны въ смыслѣ приспособленія ея къ нуждамъ будущаго, которое повелительно диктуется всей практикой, всѣми, уже обозначившимися, итогами нынѣшней войны.

Если желѣзныя дороги — по существу въ не меньшей мѣрѣ общее дѣло, государственное предпріятіе, чѣмъ почта и телеграфъ, печатаніе монетныхъ знаковъ и пр. — являлись и въ мирное время абсурдомъ, какъ частное предпріятіе, собственность частныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои, и только свои, частные или областные, интересы, — то въ военное время и въ подготовительное къ войнѣ время такое положеніе является противогосударственнымъ, опаснымъ для страны дѣломъ и терпимо быть не можетъ. Все, начиная съ обслуживанія границъ и заблаговременнаго осуществленія плана будущей войны и кончая планомѣрнымъ обслуживаніемъ тыла страны, вплоть до споспѣшествованія пробужденію производительныхъ силъ въ странѣ, — потребуетъ отъ государства изъятія желѣзнодорожнаго дѣла изъ частныхъ рукъ, огосударствленія его.

Повидимому, и успѣхи на войнѣ Германіи и ея упорное сопротивленіе огромной коалиціи, помимо многихъ другихъ причинъ, и въ томъ числѣ высокаго техническаго уровня, — обязаны тому, что государство давно уже взяло въ свои руки нѣкоторыя частныя желѣзнодорожныя предпріятія и въ своемъ желѣзнодорожномъ строительствѣ и оборудованіи заранѣе учло всякія возможности и подготовило ту невѣроятную способность въ минимальное время перебрасывать куда угодно огромныя части войскъ, артил-

лерін, припасовъ и проч., которая удивляла и удивляетъ ея противниковъ.

Въ значительной мѣрѣ тѣ же соображенія государственной необходимости встанутъ въ вопросѣ о монополизированіи нѣкоторыхъ другихъ областей хозяйственной жизни страны, изъятія ихъ изъ частныхъ рукъ.

Та анархія, которая, гдѣ больше, гдѣ меньше, вскрылась съ начала войны въ вопросѣ дороговизны и снабженія населенія предметами первой необходимости — хлѣбомъ, мясомъ, сахаромъ, всякими видами топлива, — не можетъ быть терпима государствомъ. Если и въ мирное время у насъ, въ Россіи, цѣны на сахаръ, желѣзо, уголь и на многое другое являлись какой-то трудно объяснимой и ничѣмъ не оправдываемой преміей за добродѣтель кучкамъ промышленниковъ, то вакханалія цѣнъ на эти предметы и получаемыхъ на нихъ прибылей въ военное время является государственной угрозой, такъ какъ ослабляетъ питаніе низшихъ слоевъ населенія городовъ, волнуетъ жителей, понижаетъ сопротивляемость во время войны. И между прочимъ сводитъ на нѣтъ государственную и всякую иную денежную помощь многимъ семьямъ ушедшихъ на войну гражданъ, такъ какъ при наличныхъ условіяхъ эта помощь является перекачиваніемъ денегъ отъ казны, муниципалитетовъ и частныхъ лицъ въ карманы предпринимателей и промышленниковъ.

И пора бы перестать винить въ этой анархіи и вакханаліи только разстройство желѣзнодорожнаго транспорта, какъ дѣлала большая часть общества, или только спекуляцію, какъ стремилось убѣдить кого-то правительство, и понять, что это только слагаемыя, пусть крупныя слагаемыя, — въ общей суммѣ условій, изъ которыхъ вырастаетъ дезорганизація и анархія.

Въ высокой степени характерно, что та же анархія и вакханалія цѣнъ проявлялась во всѣхъ воюющихъ странахъ, пока государство не вмѣшивалось. И объ алчности и хищничествѣ и о безумныхъ прибыляхъ промышлен-

никовъ идутъ согласныя извѣстія изъ всѣхъ странъ, независимо отъ степени ихъ культурности и различій въ государственной конструкціи.

И всегда такъ было. Исторія всѣхъ послѣднихъ войнъ говоритъ всегда о спекулятивномъ ростѣ цѣнъ, о недовольствѣ, иногда и бунтахъ, населенія и біографіи многихъ и многихъ крупныхъ дѣятелей промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій въ первой главѣ заключаютъ: основаніе капиталу и предпріятію или быстрому росту его положила такая-то война, такое-то участіе въ ней создателя фирмы...

Дѣло, слѣдовательно, не въ одной злой волѣ отдѣльныхъ лицъ или группъ лицъ, не только въ алчности, хищничествѣ, въ отсутствіи подлиннаго патріотизма, а въ чемъ-то болѣе широкомъ, общемъ всѣмъ странамъ, присущемъ даннымъ условіямъ производства и распредѣленія продуктовъ въ странѣ. Это общее и широкое — отсутствіе организованности, анархическое начало, коренящееся въ самыхъ основахъ капиталистической промышленности, — это именно „свободная игра интересовъ", какъ основа промышленной жизни и какъ всякая игра, игра съ игрецкимъ азартомъ, съ игрецкими пріемами и. съ малою обоснованностью и планомѣрностью, какъ во всякой „игрѣ".

Да, есть и злая воля, и алчность, и хищничество, и богатому человѣку такъ же трудно войти въ царство небесное, какъ и проявить патріотизмъ въ мѣру его богатства. Но есть нѣчто, дѣлающее эту алчность, это стремленіе на войнѣ и нѣкоторомъ ограбленіи своихъ согражданъ нажить наибольшія деньги, до извѣстной степени обязательными. Когда бѣгутъ другіе, бѣги и ты, рвутъ сосѣди безумныя цѣны, рви и ты, — иначе отстанешь, очутишься въ хвостѣ, — и, когда война кончится, мѣсто, которое ты занималъ въ данной промышленности, будетъ занято твоимъ сосѣдомъ-конкурентомъ, болѣе алчнымъ, болѣе умѣлымъ или болѣе азартнымъ игрокомъ

*

И предъ государствомъ, умѣющимъ далеко смотрѣть въ будущее, ставящимъ передъ собою точныя цѣли и выбирающимъ наиболѣе подходящія средства, встанетъ повелительная задача вмѣшаться въ свободную игру интересовъ, организовать и упорядочить то, что не организовано, хаотично и анархично.

И опять-таки примѣръ Германіи, очутившейся въ положеніи осажденной крѣпости и тѣмъ не менѣе справившейся и съ плохимъ урожаемъ, и съ недостаткомъ сырья и вообще цѣлаго ряда продуктовъ, и при этихъ условіяхъ уже болѣе двухъ лѣтъ ведущей войну на два фронта, — лучше всего показываетъ, какое огромное значеніе имѣетъ вмѣшательство государства и внесеніе имъ организованности во всю хозяйственную жизнь страны.

Къ указанной дезорганизаціи, къ свободной отъ всякаго общественнаго контроля безумной азартной игрѣ интересовъ производителей присоединяется игра посредниковъ, и въ результатѣ то, что не добрано производителями, добирается изъ кармана населенія посредниками-купцами.

Государство не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ и опять-таки, уже не изъ финансовыхъ соображеній, должно будетъ вмѣшаться и начать борьбу съ посредничествомъ, внести организованность въ эту огромной важности сторону хозяйственной жизни страны. И въ частности — въ той или иной формѣ положить свою руку на дѣятельность банковъ, посредническая роль которыхъ такъ страшно выросла въ послѣднее время.

Итакъ, внесеніе организованности, огосударствленіе нѣкоторыхъ сферъ хозяйственной жизни страны должно явиться неизбѣжнымъ результатомъ нынѣшней войны.

III.

Условія этой войны въ томъ же направленіи будутъ вліять и на мѣстныя самоуправленія и на общественные круги въ широкомъ смыслѣ. Не совпадая съ государ-

ственными задачами, объемля собой мѣстныя нужды, органы самоуправленія и всякаго рода общественные коллективы тѣмъ не менѣе будутъ логически приведены къ тому же — къ необходимости широкой организованности и къ расширенію и углубленію своей компетенціи. Въ особенности въ странахъ огромной территоріи, великаго разнообразія племенного состава и всякихъ бытовыхъ условій, гдѣ уже въ силу одного этого государственная машина слишкомъ громоздка и недостаточно гибка, чтобы заполнить страну одной государственной организованностью. И если новая организованность государства выразится въ огосударствленіи, то мѣстное самоуправленіе приведено будетъ къ необходимости муниципализаціи, обобществленія нѣкоторыхъ отраслей хозяйственной жизни, входящихъ въ сферу дѣятельности мѣстныхъ самоуправленій.

Имъ, земствамъ и городамъ, также придется изыскивать новые источники доходовъ. На нихъ несомнѣнно ляжетъ доля государственныхъ задачъ; забота о больныхъ и увѣчныхъ воинахъ, устройство сиротъ, пенсіи семьямъ своихъ служащихъ, погибшихъ на войнѣ, возстановленіе запущеннаго за время войны хозяйства лягутъ на плечи земствъ и городовъ и долго еще будутъ обременять ихъ бюджетъ.

А напрягать значительно обычные источники доходовъ нельзя будетъ. Пусть справедливое будетъ обложеніе и будетъ обложено то, что теперь ускользаетъ отъ обложенія, но земство приметъ послѣ войны запущенныя хозяйства, недосѣянныя поля, хуже обычнаго обработанныя земли, убыль и недостачу живого и мертваго инвентаря и настоящее разореніе отдѣльныхъ хозяйствъ, — не увеличивать обложеніе придется земству, а изыскивать средства, чтобы придти на помощь и поднять упавшее и наклонившееся.

И земству, и городамъ придется обратиться къ тому же источнику, какъ и государству, — къ обобществленію многаго, что сейчасъ остается въ вѣдѣніи частной инициативы, къ предпринимательской и посреднической дѣятельности.

Если и въ мирное время города въ западной Европѣ давно уже вступили на путь широкой муниципализаціи различныхъ отраслей хозяйственной жизни городовъ (трамваи, телефоны, освѣщеніе, городской кредитъ, постройка жилищъ для бѣдныхъ, обслуживаніе всякихъ нуждъ все растущаго контигента городскихъ служащихъ и рабочихъ), если даже и русскіе, во многихъ отношеніяхъ отсталые города съ узко-цензовымъ составомъ, съ ограниченной, суженной областью компетенціи, хотя и робкими неувѣренными шагами, но шли въ послѣднее время въ томъ же направленіи, то во время войны логикой жизни наши города должны были взять на себя нѣкоторыя посредническія функціи, организацію заготовки топлива, устройство городскихъ лавокъ и хлѣбопекаренъ и проч.

Земства еще ранѣе городовъ вступили на этотъ путь многообразнаго обслуживанія нуждъ населенія (организація страхового дѣла, закупки кровельнаго желѣза, сельскохозяйственныхъ машинъ, сѣмянъ и проч.) и за послѣднее время, даже еще до войны, проявляли тенденціи къ расширенію и углубленію своей дѣятельности. Что дѣлали и дѣлаютъ земскій и городской союзы во время теперешней войны, какъ велика, помимо обслуживанія больныхъ и раненыхъ, ихъ предпринимательская и посредническая роль, — видно всякому.

И, какъ въ вопросѣ о государствѣ, этого потребуютъ не одни финансовыя соображенія, а все то, что вскрыла теперешняя война. И люди центра, и люди дальнихъ окраинъ убѣдились, что они останутся безъ дровъ и угля, безъ мяса и муки, безъ обуви и одежды, безъ хозяйственнаго живого инвентаря, съ недосѣянными полями, если не организуются внутри себя, не учтутъ и не распредѣлятъ планомѣрно свои запасы, если не введутъ порядка вмѣсто анархіи, не возьмутъ въ свои руки изъ рукъ посредниковъ дѣло доставки и распредѣленія потребныхъ жизненныхъ продуктовъ.

Мы видѣли, какъ война на нашихъ глазахъ собирала людей, стягивала къ себѣ кооперативы и всякіе коллективы, какъ сбивала въ кучу распыленныхъ людей, организовывала ихъ въ союзы, свертывала въ круги, какъ постепенно все меньше и меньше оставалось въ городахъ и деревняхъ отдѣльныхъ, непричастныхъ, несобранныхъ людей.

Собранность и организованность — есть то, что ярче всего сказалось за теперешнюю войну, собранность и организованность будутъ и лозунгами ближайшаго будущаго. Организованность и въ ширину, и въ глубину.

Какъ государственная организованность въ силу страшно выросшихъ задачъ должна идти не только по линіямъ государственности, но и по линіямъ общественности, такъ и общественная организованность для достиженія своихъ неимовѣрно усложнившихся задачъ должна развертываться на всю страну, а съ другой стороны проникать глубоко въ толщу населенія, захватывать не отдѣльные слои гражданъ, а все населеніе, использовать всѣ силы, имѣющіяся въ наличности, такъ какъ исполненіе указанныхъ огромныхъ и сложныхъ задачъ возможно только при демократизаціи общественности, при использованіи всѣхъ живыхъ силъ страны.

Вотъ было сказано: „побѣдитъ тотъ, у кого окажутся крѣпче нервы“. Какъ и большинство подобныхъ фразъ, и эта содержитъ долю истины. Да, правда, что побѣдитъ тотъ, у кого крѣпче нервы, правда, что для побѣды необходимо развитіе техническихъ силъ и матеріальныхъ средствъ страны, какъ и многое другое, напримѣръ, гражданское благоустройство, убѣжденіе — правильное или неправильное — народа въ правотѣ своего дѣла, но, думаю, наибольшая правда — побѣдитъ тотъ народъ, кто шире, полнѣе собранъ и разумнѣе, крѣпче и глубже сорганизованъ. Я не думаю, что „собранность“ и „организованность“ потребны только для войны, но война особенно повелительно требуетъ этой собранности и организованности.

Я понимаю, какъ неудобно изолировать одну сторону жизни отъ многихъ, сй сопутствующихъ и ее осложняющихъ, и знаю, что въ предвидѣніи будущаго нужно было бы коснуться многаго, — будущей эволюціи государственности и гражданственности, судьбы тѣхъ многочисленныхъ вопросовъ, внутреннихъ и международныхъ, которые давно стояли предъ государствами Европы и, нужно думать, будутъ такъ или иначе рѣшены нынѣшней войной. Но это вывело бы меня далеко за предѣлы настоящей статьи.

IV.

Огосударствленіе и обобществленіе, являющіяся логическимъ послѣдствіемъ теперешней войны, и повелительное требованіе подготовленія къ будущей войнѣ, — если нынѣшняя не послѣдняя, — не исчерпывая всей картины будущаго дня, позволяютъ, тѣмъ не менѣе, предугадать нѣкоторыя основныя линіи и общій тонъ этого будущаго.

Первымъ результатомъ будетъ рѣзкое увеличеніе силы государства, его роли и значенія въ жизни народовъ.

Это увеличеніе мощи государства скажется не только въ расширеніи его компетенціи, не только въ ростѣ государственнаго бюджета, увеличеніи контингента арміи и умноженіи кадровъ чиновничества, чего потребуетъ расширеніе хозяйственной и посреднической дѣятельности государства, но, что гораздо важнѣе, и въ тѣхъ чувствахъ, которыя оно будетъ вызывать въ средѣ населенія, въ новой, болѣе крѣпкой и тѣсной связанности его съ населеніемъ. Въ этомъ смыслѣ, быть можетъ, будетъ правильнѣе говорить объ измѣненіи самой позиціи государства, какъ учрежденія, объ измѣненіи объема и содержанія самого понятія государства.

Долгая эволюція, которую переживало государство, шла въ направленіи все большаго освобожденія личности отъ власти государства. Еще сравнительно недавно наиболѣе правильной ролью государства считалось именно невмѣшательство въ жизнь индивидуума и во взаимо-

отношенія группъ индивидуумовъ, — роль благороднаго и безпристрастнаго такъ теоретически считалось — свидѣтеля борьбы классовъ и свободной игры интересовъ. И степенью корректности и безпристрастности этого свидѣтельскаго поведенія измѣрялась высота гражданской жизни въ странѣ.

Рядомъ съ этимъ, благодаря все возраставшему общенію государствъ въ сферѣ торгово-промышленной жизни, въ области науки, искусства, наконецъ, во всей культурной жизни, благодаря, съ другой стороны, рѣзко вставшей противоположности интересовъ внутри государствъ, а, главное, вслѣдствіе повышеннаго сознанія и обостреннаго чувствованія этой противоположности, постепенно создавалось такое положеніе вещей, при которомъ отдѣльныя группы населенія чувствовали себя ближе, — такъ имъ казалось, по крайней мѣрѣ, — къ аналогичнымъ группамъ другихъ государствъ, чѣмъ къ нѣкоторымъ группамъ своего государства-отечества, ближе по чувству и сознанію, по духу и быту, по интересамъ и требованіямъ, которыя эти группы предъявляли къ жизни.

Капиталъ давно сталъ международнымъ и капиталисты разныхъ странъ давно уже товарищи и сотрудники въ самыхъ разнообразныхъ предпріятіяхъ, вплоть до участія въ крупныхъ заводахъ военнаго оборудованія. А съ другой стороны, лозунгъ: „у пролетаріата нѣтъ отечества“, какъ бы теперь ни старались объяснить и ограничить его значеніе, — если не являлся чувствованіемъ рабочихъ массъ, то считался основнымъ положеніемъ, исходя изъ котораго пытались опредѣлить ихъ отношенія къ государству.

А теперь люди разныхъ классовъ почувствовали себя связанными другъ съ другомъ и съ государствомъ, и противопоставленными людямъ такихъ же классовъ, объединенныхъ въ другія государства...

*

Болѣе, нежели вѣроятно, что государство измѣнится и вмѣститъ въ себя новое содержаніе. Оно уходитъ и будетъ уходить все дальше отъ своей основной идеи — отъ невмѣшательства, отъ стараго laissez faire — laissez passer. Оно вмѣшивается и будетъ все больше вмѣшиваться.

Я не буду касаться въ цѣломъ вопроса, какія послѣдствія произойдутъ отъ этого вмѣшательства для самого государства и для всей структуры страны, и укажу здѣсь только на одинъ видъ этого вмѣшательства, чтобы отмѣтить всю огромность измѣненія будущей жизни, — на вмѣшательство въ отношеніи труда и капитала.

Та анархія, которая существовала въ этихъ отношеніяхъ, когда какая-нибудь желѣзнодорожная забастовка или забастовка рабочихъ-углекоповъ могли останавливать цѣлыя отрасли хозяйственной жизни страны, непричастныя притомъ къ желѣзнодорожному и угольному конфликту, и заставляли страдать ни въ чемъ неповинныхъ людей, цѣлое населеніе страны, — слишкомъ вопіяла въ своемъ безобразіи съ точки зрѣнія элементарныхъ требованій порядка и благоустройства гражданской жизни, чтобы государство, не вотчинное государство, могло оставаться равнодушнымъ. И мы знаемъ, что вмѣшательство въ этой области началось уже задолго до войны, но путь, пройденный въ этомъ отношеніи государствомъ, слишкомъ коротокъ, чтобы замѣтно отразиться на отношеніяхъ труда и капитала.

Не предрекая формъ и государственныхъ институтовъ, въ которые выльется это вмѣшательство, можно съ большой степенью увѣренности утверждать, что въ дальнѣйшемъ государство не потерпитъ этой анархіи, такъ какъ она — помимо всего прочаго — угрожаетъ самой безопасности и независимости государства, и что въ той или иной мѣрѣ путемъ энергическаго вмѣшательства оно постарается урегулировать классовую борьбу.

Въ новомъ организаціонномъ шествіи государству придется отречься отъ многихъ старыхъ, казавшихся непреложными, навыковъ, придется перешагнуть черезъ многіе барьеры, казавшіеся непереходимыми святыми мѣстами, — придется сильнѣе затронуть священный институтъ собственности, обуздать и подчинить болѣе строгому контролю пресловутую свободную игру интересовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ логика жизни приведетъ, нужно думать, и къ нѣкоторому большему подчиненію личности государству, къ пріостановкѣ, пусть временной, той эволюціи освобожденія личности отъ государства, о которой я говорилъ.

*

Государственная необходимость, которая потребуетъ не только большей арміи, но и организованности народнаго труда во всей странѣ, и заставитъ держать на учетѣ всѣхъ гражданъ и всю хозяйственную жизнь страны, неизбѣжно приведетъ государство къ нѣкоторому ограниченію личной инициативы, къ уменьшенію правъ личности, къ призыву ея на службу государству не только въ чисто-военной сферѣ, въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ практиковалось раньше, но и въ тѣхъ областяхъ частнаго труда, которыя никогда не считались подвѣдомственными государству и всегда оставались въ области частной инициативы.

Нынѣшняя война только эпизодъ въ длинной цѣпи эволюціи государства и общества. И давняя тенденція раскрѣпощенія личности, освобожденія ея отъ всепоглощающей власти коллектива, несомнѣнно, въ концѣ-концовъ, завоюетъ міръ, но возможно, что временно человѣчество переживетъ, наоборотъ, періодъ большей подчиненности личности государству.

Быть можетъ, именно такъ, пройдя черезъ новую стадію государства, государства-организатора народнаго труда и хозяйственной жизни, отдавши себя государству-отечеству и приспособивши государство къ себѣ, личность

завершить свою давнюю исторію и воплотить въ жизнь свою исконную мечту, — полную автономію личности при сохраненіи и расширеніи тѣхъ благъ, которыя дастъ организованный коллективъ.

Самое централизованное государство и самое талантливое правительство будутъ не въ состояніи справиться съ колоссальной задачей, которая встанетъ передъ ними. И та же государственная необходимость приведетъ неизбѣжно къ требованію сочетать огромную государственную организованность сверху съ еще большей общественною организованностью снизу, такъ какъ рѣшеніе будущей задачи возможно только при использованіи всѣхъ, рѣшительно всѣхъ, общественныхъ силъ страны.

V.

Отчасти параллельно государству, отчасти преслѣдуя свои спеціальныя задачи, измѣнится, въ свою очередь, и общественность. Она тоже вырастетъ и усилится и будетъ переживать новую эволюцію.

Усилится и укрѣпится, прежде всего, за счетъ того слоя инертныхъ обывателей, такъ сказать, абсентеистовъ гражданско-политической жизни, который составлялъ мертвый балластъ, тяжкое бремя гражданственности и общественности во всѣхъ, даже передовыхъ странахъ. Нынѣшняя война стянула, собрала въ кучу всѣхъ обывателей и не оставила равнодушныхъ зрителей ни въ райкѣ, ни въ партерѣ. Нельзя будетъ разойтись имъ и послѣ войны, такъ какъ нынѣшняя драма будетъ имѣть свой эпилогъ, который можетъ оказаться прологомъ къ еще болѣе ужасной драмѣ.

Общественность усилится и вслѣдствіе расширенія и усложненія ея функцій, вслѣдствіе того обобществленія многихъ отраслей мѣстной хозяйственной жизни, о которомъ я говорилъ въ предыдущей статьѣ, какъ о неизбѣжномъ ближайшемъ будущемъ.

И не только вырастетъ и усилится общественность, но измѣнится самый характеръ ея, предѣлы ея вѣдѣнія и дѣйствованія. Отпадетъ исключительно мѣстный, территоріальный характеръ дѣятельности организованной общественности, который считался столь же неотъемлемымъ признакомъ ея, какъ общія задачи страны, дѣятельность на всемъ протяженіи въ предѣлахъ границъ,—существеннымъ признакомъ государственности.

Уже осуществленіе мѣстныхъ задачъ, которыя будутъ поставлены грядущимъ обобществленіемъ мѣстной хозяйственной жизни, заставятъ выйти изъ предѣловъ мѣста и стремиться къ широкому объединенію и мѣстныя самоуправленія, и всяческаго рода коллективы. Того же и еще въ гораздо большей степени потребуютъ и тѣ государственныя задачи, которыя уже поставлены передъ общественными силами нынѣшней войной и будутъ продиктованы еще болѣе повелительно въ ближайшемъ будущемъ.

Долженъ измѣниться самый составъ общественности,—группировки и взаимоотношенія общественныхъ силъ.

Огосударствленіе и обобществленіе отдѣльныхъ областей хозяйственной жизни страны, монополіи и полумонополіи, сокращеніе до минимума частнаго посредничества, до извѣстной степени сдѣлаютъ ту работу, которую поставилъ себѣ и не успѣлъ выполнить капитализмъ, — сведеніе до минимума мелкаго производства, мелкой торговли. Это выброситъ изъ жизни огромную массу мелкихъ хозяевъ и посредниковъ,—людей, самостоятельно ставившихъ себѣ цѣли и по своему усмотрѣнію избиравшихъ средства.

Къ тому же будетъ вести широко развившееся еще до войны синдицированіе крупной промышленности, которому государства, нужно думать, не только не станутъ противодѣйствовать, но, наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, всячески содѣйствовать, въ виду

несомнѣннаго удобства для государства держать на учетѣ и, до извѣстной степени, регулировать тѣ или иныя крупныя области промышленности. Къ тому же приведетъ тоже уже значительно продвинувшееся, но все еще далеко не закончившее свою объединяющую и организующую хозяйственную жизнь низовъ, кооперативное движеніе.

Въ результатѣ значительное количество людей будетъ переведено въ разрядъ чиновниковъ и служащихъ, — людей, собранныхъ и сорганизованныхъ вокругъ общаго дѣла, работниками котораго явятся они. Убавится и пріумалится не только маленькій хозяинъ, лавочникъ и посредникъ, малый цензовый человѣкъ, но и обслуживающій ихъ значительный слой такъ называемыхъ людей либеральныхъ профессій,—докторовъ, адвокатовъ, архитекторовъ, инженеровъ, которые тоже изъ, такъ сказать, вольнопрактикующихъ людей перейдутъ въ разрядъ обслуживающихъ государство, самоуправленія и тѣ или иныя коллективныя организаціи.

Едва ли нужно подробно останавливаться на той огромной роли, которую игралъ, въ особенности въ городской и провинціальной жизни, этотъ большой соціальный слой, залегавшій между крестьянствомъ и рабочимъ классомъ— съ одной стороны, и верхними слоями дворянства и крупной буржуазіи — съ другой стороны, — и едва ли нужно подчеркивать все значеніе новаго класса, новаго слоя людей, разныхъ по своей позиціи, но объединенныхъ и служилымъ положеніемъ, и самымъ фактомъ, что они стоятъ не у своего, не у личнаго дѣла. Какъ конструируется, какую позицію и въ государственности, и въ общественности займетъ этотъ разросшійся классъ — я думаю, что дозволительно употреблять здѣсь этотъ терминъ,— трудно сказать, но удѣльный вѣсъ его, несомнѣнно, поднимется въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ является онъ въ настоящее время. Можно думать, что съ пріумаленіемъ малаго и средняго цензоваго человѣка именно этому слою предстоитъ играть значительную роль въ будущей жизни.

Какъ сложатся въ будущемъ взаимоотношенія государственности и общественности, трудно сказать. Трудно сказать даже относительно передовыхъ странъ, такъ какъ даже въ нихъ остались пережитки отъ временъ государства побѣдителей и побѣжденныхъ, отъ временъ государства-вотчины, — нѣкоторая отдаленность и обособленность государственности и общественности, убѣжденіе въ существованіи отдѣльныхъ государственныхъ цѣлей, не поглощаемыхъ и не исчерпываемыхъ нуждами общественности, понимая ее даже въ смыслѣ всего населенія страны, наивное и не слишкомъ разумное убѣжденіе, что сверху виднѣе и что только сверху можно видѣть, вытекающее изъ этого нѣкоторое пренебреженіе къ общественности, — и цѣлый рядъ иныхъ архаическихъ переживаній.

Однимъ изъ яркихъ проявленій этихъ старыхъ пережитковъ военнаго государства и государства-вотчины является не менѣе нелѣпая — при существованіи народнаго представительства и парламентскаго строя — тайна дипломатическихъ сношеній, та тайна секретныхъ договоровъ и союзовъ, изъ-за которой война можетъ вспыхнуть неожиданно для населенія и даже вопреки волѣ населенія.

Тѣмъ труднѣе будетъ, конечно, складываніе этихъ отношеній въ отсталыхъ опоздавшихъ странахъ, гдѣ народное представительство еще молодо и не создало традицій и, наоборотъ, вотчинныя переживанія сильны и ярки.

Нужно думать, что эти будущія отношенія сложатся въ зависимости отъ взаимныхъ позицій, какія установились до войны, и, съ другой стороны, отъ степени осознанія огромности размѣровъ предстоящихъ задачъ и пониманія средствъ, потребныхъ для выполненія этихъ задачъ, какія проявятъ и государственность, и общественность. Иначе говоря—въ зависимости отъ того, насколько государственность окажется на высотѣ и не поставитъ интересовъ отдѣльныхъ группъ страны выше интересовъ отечества и насколько общественность пойметъ, что ей не только при-

надлежитъ право, но что на ней лежитъ и обязанность принять широкое и дѣятельное участіе въ оборонѣ страны.

Нужно думать, что теперешнія формы государственнаго устройства, гдѣ такъ перепутанно и несогласованно живетъ рядомъ старое и новое, никогда и нигдѣ не считавшіяся законченными и совершенными и оказавшіяся такъ неприспособленными для новыхъ, вставшихъ предъ государствомъ, задачъ, — потребуютъ коренной перестройки, въ смыслѣ выбрасыванія отжившаго и отмершаго и закрѣпленія и признанія давно родившагося и вновь нарождающагося, въ смыслѣ наиболѣе полнаго и совершеннаго организовыванія и использованія общественныхъ силъ и прежде всего въ смыслѣ новой и болѣе крѣпкой связанности государственности и общественности.

VI.

Въ мою задачу не входитъ расцѣнивать, хорошо или дурно, желательно или нежелательно то новое, о которомъ я говорилъ, — и я пытался только предугадать, что логически неизбѣжно, независимо отъ того, желаемъ ли мы или не желаемъ, должно войти въ жизнь.

Нынѣшняя война перепутала и обманула многія ожиданія и надежды, казавшіяся такими устойчивыми и необманными. Она перешагнула черезъ многое, что считалось незыблемымъ, открыла перспективы, которыя еще вчера казались невозможными, она перемѣшала въ неожиданныхъ комбинаціяхъ общественныя группы, а, съ другой стороны, вскрыла въ человѣческихъ сердцахъ чувства, которыя считались давно, со старинныхъ временъ, потушенными, отмершими, и потушила чувства, которыя казались несомнѣнной, неотрывной частью современнаго человѣчества.

Нужно думать, и періодъ, который начнется послѣ войны, нельзя будетъ озаглавить общимъ заглавіемъ, уложить въ опредѣленное ложе, диктуемое тѣмъ или инымъ законченнымъ міровоззрѣніемъ и прежде всего покрыть одной краской, — пріятнаго или непріятнаго.

Какъ сложится въ ближайшемъ будущемъ внутренняя жизнь европейскихъ государствъ?

Куда, въ какомъ направленіи пойдутъ въ ближайшемъ будущемъ собранные вокругъ отечества люди?

Возможно, что они будутъ готовиться къ новой войнѣ.. Будутъ готовить въ несмѣтномъ количествѣ пушки и снаряды, придумывать и изготовлять самые совершенные способы истребленія людей — будутъ строить сверхъдредноуты, и воздушные, и надводные, и подводные, устраивать крѣпости надъ землей и подъ землей и лагерями и цѣлыми городами изроютъ нѣдра земли по границамъ отечества!..

Будутъ усиленно работать въ области техники, развивать производства, которыхъ не было и которыхъ нужно, чтобы были. По широкому плану, гдѣ ничего не будетъ упущено, будутъ накапливать матеріальныя средства, запасаться всѣмъ, что нужно для веденія долгой и страшной войны, чтобы ни отъ кого не зависѣть и никого не бояться. Настанетъ долгій вѣкъ техники и накопленія матеріальныхъ силъ. Въ этомъ направленіи будетъ усиленно работать мысль, на этомъ сосредоточатся чувства народа, къ этому будетъ звать воля народа и на это будутъ идти средства народа...

О, жизнь не замретъ, не будетъ болотомъ, сумерками! Быть можетъ, наоборотъ, напряженнѣе будетъ работать научная мысль, вспыхнетъ энергія дѣланія, а техническій и матеріальный прогрессъ, огосударствленіе и обобществленіе многихъ сторонъ хозяйственной жизни страны, небывалая организованность народнаго труда — создадутъ картину обновленія, расцвѣта жизни. И за шумомъ и блескомъ новой жизни, люди, быть можетъ, долго не замѣтятъ, что жизнь стала уже, духовно скуднѣе, бѣднѣе...

Да, меньше будутъ слагать пѣсенъ, поблекнетъ красота жизни, пріумалится накопленіе духовныхъ цѣнностей, уменьшится — будетъ некогда и некому — исканіе истины и стремленіе водворить правду на землѣ.. Давно встали

и ждутъ рѣшенія важнѣйшіе и острые вопросы человѣческой жизни, въ области морали, права, соціальной справедливости, культуры, — они подождутъ, какъ ждали все это время, ихъ рѣшеніе придется отложить, быть можетъ, до конца будущей войны. Да, будущее огромное увеличеніе силы государства несетъ съ собой серьезную угрозу личности и можетъ свести на нѣтъ нѣкоторыя права личности, каждое изъ которыхъ добывалось путемъ долгой и тяжкой борьбы. Все это такъ, но предъ людьми будетъ стоять еще болѣе страшная угроза — потерять отечество, — необходимость обороны отъ врага.

И можно думать, что именно тѣ, кто больше всего кричали о технической, только матеріальной культурѣ нѣмцевъ и объ упадкѣ ихъ духовной культуры, кто винили нѣмцевъ въ культурномъ одичаніи и ученомъ варварствѣ, — именно они будутъ громче всего звать свой народъ къ этой технической культурѣ и къ накопленію матеріальныхъ средствъ, къ подражанію нѣмцамъ въ способахъ приготовленія къ войнѣ и веденія самой войны.

* *

Что останется въ душѣ народа отъ двухъ или трехъ лѣтъ войны, отъ крови и ужасовъ, отъ замиранія морали мирнаго времени и превознесенія морали военной, гдѣ дозволено все, что въ мирное время карается, какъ преступленіе, отъ привычки къ крови и ужасамъ? Скоро ли время сотретъ воспоминанія о жестокостяхъ, о взаимныхъ обидахъ? И развѣетъ ли вѣтеръ мира ту ненависть, которая, какъ ядовитые газы, повисла надъ мертвыми полями, или эти газы уже успѣли отравить землю, насытить города и села, просочиться въ дома, въ самые внутренніе покои, вплоть до дѣтскихъ комнатъ?

Не вспыхнетъ ли націонализмъ, дикій, грубый, жестокій, самомнѣнный, тотъ, у котораго нѣтъ правды, у котораго два вѣса, двѣ мѣры, для котораго дозволено все, что служитъ къ возвышенію своего и къ приниженію

чужого? И не выйдетъ ли въ концѣ концовъ такъ, что „нѣмецкій“ милитаризмъ и имперіализмъ замѣнятся чѣмъ-либо инымъ, даже всеобщимъ милитаризмомъ и имперіализмомъ? Не проснутся ли эти чувства въ странахъ, которыя еще не переживали этого, повидимому, неизбѣжнаго періода государственной жизни и психологіи народовъ?

*

Все это, быть можетъ, и не такъ страшно для западно-европейскихъ странъ. Слишкомъ глубоки тамъ традиціи, слишкомъ крѣпки давно завоеванныя позиціи личности и нормы гражданской жизни, чтобы можно было опасаться за грубое нарушеніе правъ и нормъ. Да, и тамъ народы, быть можетъ, будутъ охвачены одной цѣлью, однимъ стремленіемъ, но слишкомъ богаты онѣ умственными силами и слишкомъ великъ тамъ запасъ духовныхъ цѣнностей, чтобы техническая работа и матеріализація жизни не оставили мѣста для иной работы, чтобы остановилась духовная жизнь страны и чтобы сняты были съ очереди насущные вопросы, которые будетъ ставить жизнь.

И та же Германія... Вѣдь рядомъ съ той, воистину огромной, технической работой, которую дѣлала Германія за истекшее полстолѣтіе, — продолжалась и напряженная работа мысли въ области чистой науки. И по старому ѣздили въ Германію учиться не только на заводы и въ лабораторіи, но и въ кабинеты ученыхъ, на лекціи представителей философской мысли. Да, можно говорить о нѣкоторомъ перегибѣ старой идеалистической Германіи въ сторону практицизма, можно признать, что громадная масса умовъ и талантовъ уходила на дѣло технической и матеріальной подготовки войны, въ этомъ смыслѣ, быть можетъ, дозволительно говорить о нѣкоторомъ оскудѣніи поэзіи и художественнаго творчества въ сравненіи съ первой половиной истекшаго вѣка и относительно страшно выросшей массы интеллигенціи, — но не пріоста-

навливалась въ Германіи и область художественнаго творчества, какъ не прекращалась и борьба за лучшее устроеніе жизни, за завоеваніе гражданскихъ позицій.

Безконечно опаснѣе будетъ все это, — и рѣзкое усиленіе государства, и подчиненіе гражданской жизни военнымъ цѣлямъ, и направленіе всей жизни въ сторону техники и накопленія матеріальныхъ силъ, — для странъ молодыхъ, отсталыхъ, опоздавшихъ, гдѣ личность слишкомъ огосударствлена и не успѣла завоевать для себя элементарныхъ правъ, гдѣ такъ мало традицій, такъ легко отдаются только вчера занятыя позиціи, гдѣ культура бѣдна, гдѣ народъ духовно богатъ, но это богатство не успѣло воплотиться въ гражданскія нормы, въ нравы и учрежденія, въ бытъ и культуру.

Послѣ окончанія нынѣшней войны и въ предвидѣніи будущей войны тамъ люди будутъ говорить, что все дѣло этихъ странъ — въ развитіи производительныхъ силъ, только въ техническомъ прогрессѣ, только въ накопленіи матеріальныхъ силъ. Они забудутъ или сдѣлаютъ видъ, что не знаютъ, что для самой „техники“ необходимо предварительное накопленіе духовныхъ цѣнностей и нуженъ извѣстный уровень гражданственности. Они будутъ кричать, что не духовными цѣнностями побѣждаютъ, что духовныя нужды страны могутъ подождать, что вопросы соціальной справедливости нужно отложить, что можетъ и должна потерпѣть и личность, и гражданственность, — о, такъ легко откладывается тамъ рѣшеніе самыхъ важныхъ, неминучихъ вопросовъ жизни!.. Будутъ звать народъ и требовать отъ государства жертвъ, чтобы всѣ заботы, всѣ средства страны шли на содѣйствіе техническому прогрессу, на воспособленіе промышленности, крупной промышленности.

VII.

Изъ возможныхъ послѣдствій теперешней войны есть одно, о которомъ пока мало говорятъ, — вліяніе войны на физическое здоровье и на складываніе психики европей-

скихъ странъ, втянутыхъ въ войну, мало говорятъ потому, что это еще не вскрылось.

Черезъ недѣлю послѣ мобилизаціи дама-иностранка сообщила мнѣ, что въ ея семьѣ взяты на войну, какъ запасные, три брата ея, три профессора разныхъ университетскихъ каѳедръ. И съ самаго начала войны время отъ времени, — у насъ, у союзниковъ, и у враговъ — стали появляться въ газетахъ извѣстія о смерти на полѣ битвы или отъ полученныхъ тамъ ранъ и болѣзней крупныхъ, выдающихся дѣятелей науки, поэтовъ, художниковъ, общественныхъ дѣятелей.

О молодыхъ писали, что они были радостью и надеждой въ той области знанія и искусства или гражданской жизни, въ которой начали работать, что они успѣли уже дать первыя оправданія надеждамъ, успѣли блеснуть какъ загорѣвшіяся звѣздочки на небѣ и такъ горестно падающими звѣздами скатились въ бездну. О другихъ говорили, что они были гордостью страны, общепризнанной силой и погибли въ самомъ разгарѣ крѣпкихъ творческихъ силъ; случалось, писали, что съ ними погибли творенія, на которыя затрачена цѣлая жизнь труда и таланта.

Ушло на войну и гибнетъ на войнѣ самое сильное, энергичное, творившее жизнь. Не легко и не скоро пополнятся израсходованные запасы страны, сильные мускулы, энергичная воля дѣлателей жизни, неоцѣнима и невознаградима для страны утрата молодыхъ надеждъ и зрѣлыхъ силъ, — выдающихся силъ науки, искусства, общественной дѣятельности, — но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не объ этомъ ущербѣ.

Было время, когда войны также велись всѣмъ народомъ, и нѣкоторые ученые люди говорятъ, что тѣ войны отражались благопріятно на расѣ, въ смыслѣ подбора, вели къ своего рода оздоровленію и возрожденію расы, такъ какъ слабые люди, болѣвшіе люди, неловкіе, неприспособленные гибли скорѣе и въ большемъ количествѣ,

чѣмъ сильные, ловкіе, умѣлые, съ Гинденбургскими крѣпкими нервами.

Но тогда не было комиссій, не было предварительнаго медицинскаго осмотра. Теперь тоже происходитъ отборъ, только въ обратную сторону. Какъ въ мирное время, остаются во время войны полны тюрьмы, больницы, санаторіи, всякія убѣжища, отбираются и оставляются въ тылу всѣ хилые, немощные, отсталые и недоразвившіеся, люди съ поврежденнымъ разумомъ, всякіе припадочные, туберкулезные, сифилитики, всякіе уроды, убогіе, слѣпые, глухіе. И, нужно думать, многіе изъ нихъ, не имѣвшіе въ нормальное время шансовъ сдѣлаться отцами, теперь будутъ имѣть потомство. Не даромъ горько острятъ теперь въ деревняхъ: „пойдутъ въ ходъ и безносые“..

Да, конечно, не всѣ погибнутъ, которыхъ увела война; но сколько вернется ихъ и какими, — такими ли, какими пошли, вернутся они? Сколько вернется съ надломленнымъ здоровьемъ, съ надорванными силами, съ нажитыми тяжкими заболѣваніями, съ нервными и психическими болѣзнями, съ туберкулезомъ, съ дурными болѣзнями?

Какъ отразится эта огромная, небывалая по количеству людей, втянутыхъ въ нее, война на будущемъ поколѣніи? Какого потомства нужно ждать отъ этихъ родителей? Если находятся ученые, которые въ отборѣ, производившемся инквизиціей (въ продолженіе 500 лѣтъ около 300.000 сожженныхъ на кострахъ, осужденныхъ на долгое тюремное заключеніе и покинувшихъ родину) видятъ причину пониженія и умственнаго уровня Испаніи, если они придаютъ большое значеніе въ смыслѣ вліянія на расу подбору, который долгое время производился монастырями въ Европѣ и въ Тибетѣ, то не дозволительно ли говорить о возможности вырожденія европейскихъ народовъ, какъ результатѣ войны, гдѣ число убитыхъ и вырванныхъ изъ жизни болѣзнями нужно будетъ считать не однимъ десяткомъ милліоновъ людей цвѣтущаго возраста?

И что станетъ съ подрастающимъ поколѣніемъ, какъ сложится душа теперешнихъ дѣтей, вотъ уже два года растущихъ въ атмосферѣ ненависти, для которой такъ усердно вспахиваютъ людскія души и сѣмена которой такъ безудержно сыплютъ, — такъ всхожи они въ дѣтскихъ душахъ? Не встанетъ ли эта ненависть между народами, какъ безконечные ряды колючей проволоки, и не сдѣлаетъ ли труднымъ взаимное пониманіе, прежнее общеніе? И какъ претворяются въ дѣтскихъ душахъ всѣ ужасы, которые кругомъ обступили дѣтей и ни на минуту не отпускаютъ ихъ отъ себя вотъ уже два года?

* * *

Во всѣхъ гаданіяхъ и предположеніяхъ о будущемъ европейскихъ народовъ, — есть одно, и самое огромное по значенію, неизвѣстное — самъ народъ, его чувство, его будущая воля. И потому можетъ не оправдаться то, что теперь кажется намъ логически неизбѣжнымъ. Живя въ атмосферѣ ненависти, мы думаемъ теперь, что если не ненависть, то вражда и отчужденіе, долго будетъ раздѣлять теперь воюющіе народы, — а быть можетъ, именно народу въ цѣломъ будетъ легко забыть и простить, быть можетъ, очень скоро вмѣсто раздѣленія и обособленія будетъ еще большее общеніе и сближеніе.

И относительно будущей войны...

Возможно, что послѣдствія теперешней войны будутъ такъ ужасны и такъ всѣмъ народамъ станетъ ненавистна самая мысль о возможности повторенія войны, что случится то, что теперь кажется невѣроятнымъ, — что нынѣшняя война будетъ послѣдней...

Ничего не подѣлаешь.

(О войнѣ, о русской храбрости, героизмѣ и о прочемъ).

Когда началась нынѣшняя война, то какъ-то всѣ сразу, съ первыхъ же дней мобилизаціи, почувствовали, что надвигается нѣчто неизбѣжное, огромное и страшное, что война грозитъ великой бѣдой для Россіи и потребуетъ великихъ жертвъ отъ страны. И жертвы приносятся тоже всѣми и тоже какъ никогда. И тѣмъ не менѣе уже съ самаго начала войны вскрылась нѣкоторая разница въ отношеніи къ войнѣ между верхами и низами Россіи.

Для народа война прежде всего и больше всего была и есть оборонительная война.. Такой же она была въ началѣ и для культурныхъ слоевъ; но уже скоро появились агрессивныя ноты и требованія уничтоженія германскаго милитаризма, разумѣя подъ этимъ полный разгромъ Германіи, вплоть до принудительнаго расчлененія единой германской имперіи на рядъ самостоятельныхъ государствъ, какъ это было до объединенія Германіи. Оборона постепенно переходила въ наступленіе. Къ законнымъ заботамъ о предотвращеніи на продолжительное время возможности возникновенія общеевропейскихъ войнъ стали примѣшиваться голыя, неприкрытыя чувства мести, злой, безпощадной. И проснулась, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ культурныхъ кругахъ, обслуживаемыхъ націоналистическими газетами, ненависть къ нѣмцу не какъ къ врагу, а просто къ нѣмцу, даже къ внутреннему, своему, русскому нѣмцу.

Ничего этого нѣтъ въ широкихъ кругахъ наро насколько можно судить по заслуживающимъ вѣры га нымъ сообщеніямъ и по отзывамъ безпристраст наблюдателей, — по крайней мѣрѣ, нѣтъ въ такой Народъ не меньше, чѣмъ общество, желаетъ въ резу

войны долгаго и прочнаго мира, но дальше этого, повидимому, не идутъ желанія народа и не доносятся оттуда выкрики о разореніи нѣмецкаго народа, объ искорененіи нѣмца.

Нѣтъ у него чувства мести, не вспыхнуло въ народѣ чувство ненависти къ нѣмцамъ вродѣ того, какъ, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, вспыхнула въ Германіи ненависть къ англичанамъ или какъ [illegible] націоналистическія газеты стараются разжечь ненависть въ Россіи къ нѣмцамъ. Извѣстно отношеніе уличной толпы при встрѣчахъ раненыхъ и плѣнныхъ нѣмцевъ; газеты сообщаютъ, что на самомъ фронтѣ дѣйствующей арміи проявляются нерѣдко чувства какого-то взаимнаго пониманія, случаи проявленія совсѣмъ не ненавистническихъ чувствъ*) между русскими и нѣмецкими солдатами и офицерами.

И мало словъ тамъ, въ крестьянской массѣ и въ дѣйствующей арміи, мало выкриковъ въ сравненіи съ безчисленными выкриками, которыми полны уличныя газеты. Молча, какъ всѣ удостовѣряютъ, шли солдаты и запасные на войну, безъ пышныхъ словъ и вызывающихъ лозунговъ сражаются они на войнѣ и тѣ слова, которыя въ широкомъ общемъ употребленіи вотъ уже полгода: „война за право и справедливость“, „освободительная война“, повидимому, по разному преломляются въ народѣ и въ обществѣ, какъ различно и содержаніе тѣхъ ожиданій, которыя какъ-то сразу вдругъ связались съ нынѣшней войной въ душахъ народа и общества.

По разному принимается и понимается война, по разному понимаются и расцѣниваются храбрость и геро- индивидуальные подвиги и массовыя жертвы. ій культурный читатель послѣ офиціальнаго сооб- о ходѣ войны набрасывается въ газетахъ на кор-

*) ересно, что газеты сообщаютъ о такихъ же случаяхъ друже- встрѣчъ на фронтѣ съ обмѣномъ подарками, пѣснями, руко- ежду французскими и англійскими солдатами и офицерами, роны, и нѣмецкими, съ другой.

респонденціи и письма и выбираетъ не тѣ, которыя говорятъ объ общихъ условіяхъ войны, о будняхъ ея, а выискиваетъ такія, которыя говорятъ о необыкновенныхъ происшествіяхъ, о хитростяхъ и ловкости (если говорится о нѣмцахъ, это называется „наглостью"), о „лихихъ" русскихъ атакахъ, — прежде всего выискиваетъ героическіе подвиги, индивидуальныя проявленія мужества, героизма и просто удачливости. И для многихъ такъ выходитъ, что эти отдѣльные случаи и индивидуальные подвиги закрываютъ передъ ними подлинное лицо войны, будни войны.

Раненые солдаты говорятъ именно и прежде всего о будняхъ войны, о провіантѣ, объ одеждѣ, объ артиллеріи, какъ походы дѣлали, какъ лежали въ окопахъ. Очень тонко — и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приходилось мнѣ разговаривать съ ранеными, совершенно объективно — сравниваютъ „наше" и нѣмецкое, ихъ манеру драться и нашу, и очень рѣдко говорятъ о случаяхъ, объ отдѣльныхъ происшествіяхъ. Они не говорятъ теперь, какъ прежде, что нѣмецъ „бунтуетъ" и что поэтому нужно усмирять его, но по-старому говорятъ: „мы пошли" „мы залегли", а „онъ" такъ-то поступилъ; говорятъ: „ихніе" и „наши". Они охотно разсказываютъ, какъ упорны были бои; какъ нѣмцы лѣзутъ стѣной, валятся и все лѣзутъ; какъ много расходуетъ нѣмецъ снарядовъ и какъ мы отвѣчаемъ нѣмцамъ; — и какъ-то проходятъ мимо проявленій индивидуальной храбрости, не говорятъ ни о своихъ, ни о чужихъ подвигахъ и какъ будто въ ихъ лексиконѣ и совсѣмъ нѣтъ словъ „герой", „героизмъ". И получается такое впечатлѣніе, что отдѣльныя проявленія храбрости его самого и товарищей солдатъ не считаетъ настолько важными, чтобы отмѣчать ихъ и подолгу останавливаться на нихъ.

Эта разница въ отношеніяхъ къ войнѣ объясняется, думается мнѣ, той разницей въ психологіи народа и общества, которая давно сложилась и является резуль-

татомъ и общественной жизни, и той духовной эволюціи, которую переживали народъ и общество.

* * *

Есть одна общерусская черта.

Когда возвращаешься изъ-за границы, въ особенности уже привыкши къ физіономіямъ западно-европейскихъ городовъ и городковъ, поражаешься въ русскихъ городахъ и городкахъ отсутствіемъ памятниковъ.

Тамъ не только столицы, но и провинціальные города, иногда и мѣстечки набиты, переполнены памятниками. Скандинавія, Голландія, Бельгія, Германія, Англія, Франція, Италія хранятъ на улицахъ и площадяхъ и, очевидно, въ людскихъ сердцахъ, если не благоговѣніе, то крѣпкую память о прошломъ, о событіяхъ и людяхъ, въ видѣ статуй, колоннъ и обелисковъ, тріумфальныхъ арокъ и цѣлыхъ грандіозныхъ сооруженій.

Въ особенности, память о людяхъ, — о герояхъ, о великихъ людяхъ... Кого-кого тамъ нѣтъ! И военные герои, и гражданскіе герои и тѣ, что бились за всю страну, за отечество, и тѣ, что боролись съ королями или рыцарями за свои муниципальныя права, и тѣ, что клали жизнь за оборону вѣры, свободы. Тамъ и люди науки и искусства, и просто мирные граждане, много потрудившіеся для своего города, для своего мѣста.

А у насъ пусто. Какъ будто и не было у насъ ни значительныхъ событій, ни большихъ людей, которые стоили бы памяти. Если исключить Петроградъ и Москву, то даже въ такъ называемыхъ державныхъ городахъ, которые были когда-то столицами, или играли большую историческую роль въ складываніи Россіи, — въ томъ же Кіевѣ, во Владимірѣ, Ростовѣ Сѣверномъ, въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ Рязани, — вы не увидите памятниковъ прошлаго.

Словно, повторяю, не было тамъ ни событій, ни людей, ни военныхъ, ни гражданскихъ событій и людей. Или

живутъ тамъ люди, не помнящіе родства, которые забыли все, чѣмъ жили, и людей, которые до нихъ жили, и помнятъ только то, что было вчера и третьяго дня.

Отсутствіе памятниковъ нельзя объяснять короткой памятью русскихъ людей. Память есть и памятники есть. Раки угодниковъ, святителей, столпниковъ, преподобныхъ, мучениковъ. Есть церкви, монастыри, очень много церквей и монастырей, въ особенности, въ старыхъ, давно заснувшихъ тихимъ сномъ, историческихъ городахъ — и въ народѣ есть крѣпкая память по сей день о молитвенникахъ за народъ, о заступникахъ передъ Богомъ, и по сей день бродитъ русскій народъ отъ лавры къ пустынямъ, отъ одного угодника къ другому святому. Но получается впечатлѣніе, что какъ будто и не было въ Россіи другой жизни, кромѣ молитвъ, воздыханій, ухода отъ міра въ лѣса, въ тѣсныя келіи, въ святыя молитвы, и какъ будто русскій народъ только и признавалъ достойными своей памяти тѣхъ отдѣльныхъ людей изъ прошлаго Россіи, которые ходили въ орду заступаться за русскую землю, распространяли свѣтъ Христова ученія между язычниками или просто уходили въ темные лѣса, въ тѣсную келью схимника молиться за грѣшный русскій народъ.

Ихъ много тамъ, въ Западной Европѣ, и святыхъ людей, и святыхъ мѣстъ, но тамъ они не заполняютъ такъ поле зрѣнія, не составляютъ единственной памяти народа, какъ у насъ въ Россіи.

Есть памятники и свѣтскимъ людямъ, но ихъ такъ мало для огромной Россіи, такъ скудны и блѣдны они по замыслу и исполненію, такъ мало напоминаютъ людей. Такъ мало говорятъ русскимъ людямъ эти герои 12-го года въ римскихъ тогахъ, стоящіе подъ Казанскимъ соборомъ, или Суворовъ — штыкъ-юнкеръ иноземнаго происхожденія, размахивающій шпаженкой на Марсовомъ полѣ, Екатерина передъ Александринскимъ театромъ... И даже Мининъ и Пожарскій въ Москвѣ. И, собственно говоря, единственный великій памятникъ, достойный вели-

каго человѣка, потрясающій памятникъ въ Россіи — Петру Великому въ Петербургѣ.

Замѣчательно, что и скульптура у насъ долго была въ забросѣ, была бѣдна и скудна въ то время, какъ живопись и музыка, и драма, и литература были уже на значительной высотѣ. И только въ послѣднее время стало увеличиваться въ Россіи количество памятниковъ свѣтскимъ людямъ, — всякимъ людямъ: и военнымъ, и гражданскимъ. И любопытно отмѣтить странный фактъ, что больше всего Россія начинаетъ строить памятники не военноначальникамъ, не героямъ въ тѣсномъ общепринятомъ смыслѣ слова, а русскимъ писателямъ. Начиная съ памятника Пушкина, память о писателяхъ какъ-то особенно внѣдряется въ русское общество. Если и имъ не очень много памятниковъ, то ихъ именами теперь называются улицы и площади даже въ городахъ, не имѣющихъ никакихъ памятниковъ.

И не только мало памятниковъ въ Россіи отдѣльнымъ людямъ не-духовнаго склада, но мало и самой памяти объ отдѣльныхъ людяхъ историческаго прошлаго. Если исключить кіевскій былинный эпосъ и отдѣльныя яркія по индивидуальности историческія фигуры Грознаго Ивана, Великаго и тоже грознаго Петра, генералиссимуса Суворова, Ермака Тимофеевича, Стеньки Разина, — ни народный эпосъ, ни пѣсни, ни скульптура не зафиксировали яркихъ образовъ, прошедшихъ черезъ русскую исторію, тѣхъ выдающихся людей, которыхъ принято называть героями. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до шестидесятыхъ годовъ, когда писанная литература стала проникать въ народъ и заняла мѣсто рядомъ съ Четьи-Минеями, сказаніями и апокрифами, которые до того времени были почти единственнымъ чтеніемъ для огромной массы русскаго населенія.

* * *

Быть можетъ, относительно памятниковъ дозволительно [illegible] русскаго на-

рода, — его нелюбовью къ показательству вообще, антипатіей къ жесту, къ декламаціи, къ проявленію своей души въ чемъ бы то ни было яркомъ, шумномъ, къ громкимъ словамъ и лозунгамъ, предпочтеніемъ тихихъ, протяжныхъ и грустныхъ пѣсенъ бравурнымъ. Но, конечно, не это одно.

Дѣло въ самой исторіи Россіи, въ особомъ складываніи ея. Въ русской исторіи мало было событій въ смыслѣ отдѣльныхъ главъ, такъ сказать, абзацовъ исторіи, вродѣ тѣхъ, которыми отмѣчена, напримѣръ, исторія Англіи, пережившей три завоеванія, тѣхъ этаповъ, чрезъ которые прошли Австрія, Франція, Италія и Испанія. Да, была смѣна кіевскаго періода суздальскимъ, было Батыево нашествіе, была великая разруха триста лѣтъ тому назадъ, нашествіе двунадесяти языковъ, но они не были отдѣльными главами, какъ въ западно-европейской исторіи, и были запечатлѣны нѣсколько инымъ характеромъ. Во многихъ отношеніяхъ русская исторія была незамѣтнымъ, не отмѣчавшимся крупными этапами шествіемъ русскаго народа къ тому, къ чему онъ пришелъ.

И даже величайшій фактъ русской исторіи, — смѣна кіевскаго періода сѣверно-русскимъ, владимірскимъ періодомъ, съ образованіемъ новой великорусской народности... Когда читаешь страницы Ключевскаго о возникновеніи Суздальской области, какъ медленно переползали съ кіевскихъ полей и степей тогдашніе люди и разселялись по владимірскимъ лѣсамъ, кочкамъ и мочежинамъ и какъ незамѣтно для тогдашняго наблюдателя собралась новая Россія въ новомъ мѣстѣ, — невольно думаешь, что и вся послѣдовавшая исторія была такимъ же расползаніемъ Россіи на сѣверо-востокъ и югъ. Да, эта исторія заключалась въ безчисленныхъ войнахъ, почти не прерывавшихся вплоть до шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, но эти войны носили особый характеръ. Если не считать вмѣшательства Россіи конца XVIII и начала XIX вѣка въ западно-европейскія дѣла, вызванныя дипломатическими

и политическими, посторонними Россіи соображеніями, то это многовѣковая русская война явится никогда въ сущности не прерывавшейся оборонительно-наступательной продвижкой къ теперешнимъ границамъ, тѣми непрерывно продвигающимися на югъ и востокъ военно-лагерными линіями, о которыхъ говоритъ Милюковъ. Вотъ и теперь ищущіе отхожихъ промысловъ деревенскіе люди разсуждаютъ, „податься ли на Донъ или на Кубань“ или въ Новороссію, къ Черному морю.. Такъ и подавалась цѣлые вѣка старая Россія, когда владимірскія кочки были распаханы и мочежины обсушены и стало тѣсно жить, а крымскіе татары и заволжскія орды бунтовали и не давали мирно и привольно разселяться по широкому простору ровнаго мѣста.

Помимо бѣдности Россіи событіями, историческими происшествіями, большое значеніе имѣлъ характеръ этихъ событій, то, какъ складывалось строительство Россіи за долгіе вѣка, — дѣйствованіе скопомъ, коллективами, и малая роль въ этомъ складываніи Россіи индивидуальныхъ воль. Малая отдѣленность и обособленность русскаго человѣка, — то „мы“, какъ и теперь еще въ коренныхъ русскихъ деревняхъ говоритъ о себѣ крестьянинъ. Кіевскіе „мы“ рѣшили, что нельзя оставаться на старомъ мѣстѣ, и подались во Владимірскую область, — и не „я“, Андрей Боголюбскій, складывалъ и строилъ новую Россію. Нижегородскіе „мы“ рѣшили, что нельзя давать развалиться русскому государству, и пошли и наладили русское государство.

И, думаю, всѣмъ этимъ можно объяснить ту малую и короткую русскую память, которая сказалась въ забвеніи, въ отсутствіи увѣковѣченія показательнымъ образомъ отдѣльныхъ событій и отдѣльныхъ лицъ.

Мнѣ скажутъ, что личность играетъ вообще малую роль въ широкихъ полотнахъ исторіи и что и въ Западной Европѣ по существу тоже народъ, коллективъ творилъ свою жизнь; но тамъ, помимо обилія событій и истори-

ческихъ происшествій, были необыкновенно цвѣтныя и яркія полосы жизни, какъ рыцарство, нормандскія завоеванія, крестовые походы и неустанная борьба внутреннихъ сталкивавшихся силъ, — полосы, на фонѣ которыхъ пышно расцвѣтали и проявляли себя индивидуальныя воли, гдѣ сама жизнь требовала отъ людей яркаго и выпуклаго проявленія своей индивидуальности.

Ими, обособленными людьми, яркими индивидуальными личностями, тѣмъ, что принято называть героями, полна исторія Западной Европы. Если какъ-то странной покажется попытка выбрать изъ русской исторіи отдѣльныхъ лицъ, которыхъ можно было бы сопоставить съ историческими и созданными народнымъ эпосомъ западно-европейскими фигурами героевъ и рыцарей, если Илья Муромецъ, Святославъ, Ермакъ и Мининъ, и даже Петръ, этотъ плотникъ, токарь и матросъ, какъ-то плохо умѣщаются въ понятіе о западно-европейскомъ героѣ и рыцарѣ, то еще характернѣе будетъ отношеніе народа къ героямъ и крупнымъ индивидуальностямъ. Степеннаго, медлительнаго, не бахвала, муромскаго мужика, дѣлающаго мірское дѣло, былины зовутъ Илья Муромецъ, и въ нѣкоторыхъ былинахъ называютъ ласково Илюшенька, и Ермака зовутъ по отечеству Тимофеевичъ, а несомнѣннаго героя и именно яркаго выразителя индивидуальной воли называютъ Васька Булаевъ, — какъ озорниковъ, не настоящихъ, не серьезныхъ людей зовутъ.

* * *

За свои вѣковыя войны русскій народъ выработалъ особое отношеніе къ войнѣ, особую, я бы сказалъ, не-военную психологію войны. Были популярныя и непопулярныя, понятныя и непонятныя для народа войны; но онъ никогда не понималъ войны для войны, той потѣхи въ ратномъ полѣ, которая, можетъ быть, и была въ тѣ времена, когда охочіе люди вольной волей шли въ дружины на ратное дѣло. Онъ никогда не шелъ на войну съ лозунгомъ: громъ побѣды раздавайся, веселися, славный русскій народъ, — никогда

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ

была для него тяжелымъ, горькимъ дѣломъ, народнымъ бѣдствіемъ вродѣ глада и мора; но онъ — государственникъ ужъ потому, что общинникъ — смотрѣлъ на войну, какъ на нужное, неизбывное дѣло, которое — ничего не подѣлаешь—надо дѣлать, и всегда видѣлъ въ войнѣ не дѣло личнаго подвига, а общественное, государственно-мірское дѣло, оборону своего міра-государства отъ врага.

Но и только. Никогда милитаризмъ — онъ или уже прошелъ, или еще не пришелъ для Россіи — не захватывалъ толщи русскаго населенія; въ народѣ никогда не возникали идеи завоеванія міра, война никогда не была для него миссіею, — ни въ смыслѣ западно-европейскихъ религіозныхъ войнъ и крестовыхъ походовъ, хотя онъ и воевалъ за болгаръ противъ турокъ; ни въ смыслѣ настроенія первыхъ наполеоновскихъ войнъ, когда революціонный энтузіазмъ, неиспользованный внутри, выразился въ самой арміи стремленіемъ внести революціонный духъ въ міръ, свергать тирановъ и вносить французскія liberté, egalité, fraternité въ страны, которыя еще не слыхали этихъ словъ; ни въ менѣе сложномъ, болѣе примитивномъ стремленіи покорить подъ нози весь міръ или, по крайней мѣрѣ, встать во главѣ міра.

Изъ войнъ, какія велъ русскій народъ, онъ не вынесъ ненависти къ врагамъ, къ тѣмъ, съ кѣмъ воевалъ. Онъ воевалъ чуть не со всѣми народами Европы и Азіи,— и, должно быть, чувствовалъ, что для всѣхъ дорога своя земля, своя отчизна, что всѣ не прочь захватить чужую землю, а, можетъ быть, уже потому одному, что съ слишкомъ многими народами приходилось ему воевать, врагъ оставался для него только непріятелемъ, котораго нужно было побѣдить или прогнать, а не французомъ, туркомъ, нѣмцемъ. Послѣ нашествія поляковъ въ Москву не выросла спеціальная ненависть къ нимъ и уже очень скоро, при Алексѣѣ Михайловичѣ и Софьѣ, польскій языкъ и польскія манеры жизни заняли въ верхахъ московскаго общества приблизительно ту же позицію, какъ сто, полто-

раста лѣтъ спустя французскій языкъ и французскій тонъ. И послѣ нашествія двунадесяти языковъ, которыхъ привели на Россію французы, не выросла стѣна антипатіи у народа къ французамъ.

И помимо войны. Приходя въ общеніе за свою долгую жизнь съ многочисленными и многообразными народностями, встрѣчавшимися на пути историческаго русскаго шествія, ассимилируя ихъ, а иногда и ассимилируясь ими, но всегда какъ-то умѣя понимать ихъ и устраивать съ ними не военную жизнь и не жизнь державной націи, русскій народъ выработалъ въ себѣ ту широкую терпимость, ту спеціальную способность сживаться со всѣми, которая такъ несовмѣстима съ узкой національной обособленностью и такъ глубоко чужда тѣсному и злобному націонализму, который охочіе люди упорно и пока безплодно стремятся привить русскому народу. Вотъ и теперь онъ не вспыхнулъ спеціальной ненавистью къ нѣмцамъ. Изъ разныхъ городовъ несется одинаковая вѣсть о добромъ и благожелательномъ отношеніи обывателей къ плѣннымъ нѣмцамъ, и въ газетахъ промелькнули извѣстія, что собираются принять мѣры противъ этого отношенія, какъ слишкомъ ласковаго и доброжелательнаго и тѣмъ самымъ съ чѣмъ-то несовмѣстимаго. На фонѣ этого массоваго отношенія особенно нелѣпы и, какъ бы сказать, ненаціональны попытки націоналистическихъ газетъ разбудить ненависть къ нѣмцамъ въ русскомъ народѣ. Вѣдь, несомнѣнно, въ тѣхъ городахъ, гдѣ разселены плѣнные, обыватель читаетъ если не націоналистическія, то уличныя газеты, пропитанныя сейчасъ тоже нѣмцененавистничествомъ. Возможно, что средній обыватель, начитавшійся своей газеты, тоже возмущается противъ нѣмцевъ, а выйдетъ на улицу, увидитъ плѣннаго нѣмца, худого, истощеннаго, плохо одѣтаго — пожалѣетъ, поскорбитъ. Такъ ужъ душа сложилась и газетные листы не такъ скоро стираютъ и ломаютъ старую народную психологію...

* * *

Ничего не подѣлаешь, надо воевать, — вотъ короткая формула отношенія народа къ войнѣ... Много лѣтъ назадъ я встрѣтилъ на угловой станціи поѣздъ съ курскими крестьянами, переселявшимися въ Сибирь. Они долго и подробно, по-крестьянски, до копеекъ, высчитывали, сколько сходитъ съ нихъ податей, сколько приходится платить аренды за помѣщичью землю, говорили про всю тѣсноту ихъ курской жизни и закончили:

— Развѣ съ своего мѣста легко уходить! Думали-думали: ничего не подѣлаешь, надо идти...

Мнѣ думается, что, когда кіевскіе люди двигались на далекій непривѣтливый сѣверъ, они тоже говорили: ничего не подѣлаешь, идти надо. И, когда предки этихъ курянъ, печалью повитыхъ, подавались къ Курску, гдѣ близко рыскалъ по степи татаринъ, — они тоже говорили: ничего не подѣлаешь, надо идти. Идти надо, чтобы и границу государства оборонять, и себѣ жизнь способную устраивать.

Въ разныхъ случаяхъ употребляется въ деревняхъ эта столь частая фраза. Грязь въ полѣ непролазная, — самъ измаешься и лошадь намучишь, чтобы отвезти возъ овса въ городъ, уплатить подати, а ѣхать надо. И ничего не подѣлаешь, — приходится парня отправлять въ городъ въ извозчики или на торфа, хотя и женить бы его пора. Использованы легальныя мѣры для защиты своихъ правъ отъ своихъ деревенскихъ или чужихъ нарушителей этихъ правъ и приходится обратиться къ своимъ средствіямъ, — ничего не подѣлаешь. Но во всѣхъ случаяхъ смыслъ одинъ и тотъ же. Дѣло трудное и не очень пріятное, но ничего другого сдѣлать нельзя и нужно сдѣлать это дѣло, потому что оно нужное и важное, потому что оно важнѣе и нужнѣе, чѣмъ личная пріятность или непріятность.

Война въ народномъ пониманіи и чувствованіи есть прежде всего дѣло, государственно-мірское дѣло, и только — дѣло, и ничего не должно быть въ ней, кромѣ дѣла, для котораго она начата.

II только. Тѣмъ самымъ изъ этой формулы выпадаютъ иные мотивы дѣланія войны, игравшіе когда-то большую роль, когда война велась наемными дружинниками; вмѣстѣ съ тѣмъ становятся лишними, неумѣстными, диссонирующими звучныя слова, громкіе лозунги, преизбыточные жесты.

Ничего привходящаго, кромѣ нужности дѣланія, — ни спеціальной вражды, — не все ли равно, къ какой національности принадлежитъ врагъ, — ни желанія разорить, стереть съ лица земли воюющій народъ.

И только — въ смыслѣ мѣры дѣланія... Ничего излишняго, ненужнаго, чрезмѣрнаго. Есть одинъ фактъ, характерный и съ перваго взгляда мало понятный. Газеты мало и рѣдко говорили о добровольческомъ движеніи въ деревняхъ. Имѣющіяся у меня свѣдѣнія изъ разныхъ губерній говорятъ о томъ же, о сравнительно рѣдкихъ случаяхъ ухода изъ деревень крестьянъ добровольцами. Этотъ фактъ будетъ тѣмъ удивительнѣе, если вспомнить о небываломъ добровольческомъ движеніи изъ городовъ, притомъ изъ всѣхъ слоевъ городского населенія, людей разныхъ національностей, — шли греки, армяне и грузины, караимы и ~~евреи~~. Были извѣстія въ газетахъ и лично мнѣ извѣстны случаи ухода на войну крестьянскихъ дѣвушекъ въ видѣ санитарокъ, но, повторяю, мужское населеніе деревень мало выдѣлило изъ себя добровольцевъ и во всякомъ случаѣ въ количествѣ, далеко не соотвѣтствующемъ городскому добровольческому движенію.

И, конечно, не потому, что въ русской деревнѣ меньше оказалось патріотизма, чѣмъ въ городахъ. Мы знаемъ не только то, какъ шли солдаты дѣйствительной службы и запасные на войну, но и то, въ какихъ, во-истину, небывалыхъ размѣрахъ проявилось въ нынѣшнюю войну участіе въ ней оставшихся въ деревняхъ, — и въ смыслѣ помощи семьямъ запасныхъ, и въ формѣ разныхъ видовъ помощи арміямъ. Объясненіе этого факта въ той же формулѣ. Тѣ, кто ведетъ войну, очевидно, взяли столько,

сколько нужно для дѣланія войны. Имъ виднѣе, значитъ, столько нужно и нечего лѣзть, не нужно дѣлать преизбыточнаго, лишняго, не требуемаго дѣломъ, — коллективнымъ дѣломъ, гдѣ не индивидуальныя воли обезпечиваютъ успѣхъ дѣла.

Въ знакомой мнѣ рабочей семьѣ мальчикъ семнадцати лѣтъ, выписанный дядей годъ назадъ изъ деревни и приставленный къ городскому дѣлу, повидимому, охваченный городскимъ добровольческимъ движеніемъ, очень сильно представленнымъ въ томъ городѣ, гдѣ я жилъ, вдругъ заявилъ во время ужина, что онъ идетъ на войну добровольцемъ. Дядя хлопнулъ его ложкой по лбу и сказалъ:

— Не дури! Когда нужно будетъ — пойдешь... Можетъ, всѣ пойдемъ... Не озоруй!

* * *

Отсюда можно подойти къ пониманію народнаго отношенія къ героизму. Проявленіями подлиннаго героизма полны газетныя извѣстія изъ дѣйствующей арміи, храбрость русскаго солдата давно удостовѣрена мнѣніемъ всѣхъ, кто воевалъ съ Россіей, и такой признанный цѣнитель человѣческаго военнаго матеріала, какъ Наполеонъ I, особенно высоко ставилъ стойкость и храбрость русскаго солдата, — но нѣтъ въ народѣ той преизбыточной расцѣнки и того преклоненія предъ индивидуальнымъ героизмомъ, какія существуютъ въ кругахъ надъ народомъ. И мнѣ думается, что это объясняется именно малой отдѣленностью и обособленностью русскаго человѣка, преобладаніемъ коллективной психологіи надъ индивидуальной. Быть можетъ, нужно сказать больше, — что вообще коллективная, групповая и массовая психологія не согласуется съ индивидуальной психологіей и до извѣстной степени враждебна далекому продвиганію индивидуальныхъ линій. „Мы“, „вообще“ и „сообща“ противорѣчивы и даже враждебны „я“, частному, отдѣльному, яркому проявленію индивидуальной личности.

Въ этомъ значительное расхожденіе въ пониманіи и оцѣнкѣ того, что называется героизмомъ у городскихъ людей, гдѣ больше индивидуализма, у культурныхъ людей, воспитавшихся на Леонидѣ Спартанскомъ, на Роландѣ, Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ, на рыцаряхъ и крестоносцахъ.

Если употреблять это парадное и немного чуждое русскому языку слово, то въ народномъ пониманіи, — не въ вульгарномъ истолкованіи лубочныхъ картинъ — героемъ явится военачальникъ, который въ порядкѣ, какъ должно для дѣла, ведетъ въ бой свой полкъ, свою армію, а не тотъ, кто зря выскакиваетъ и зря кладетъ свою голову, и герой будетъ тотъ солдатъ, который до конца наивысшимъ образомъ дѣлаетъ свое солдатское дѣло и кладетъ голову, такъ сказать, въ порядкѣ, когда это нужно для дѣла, а не тотъ, кто проявляетъ только личную удаль или которому по тому или иному случаю удалось заколоть десять-пятнадцать человѣкъ.

И даже въ опредѣленіи героизма коллективнаго, который такъ широко проявляется въ дѣйствующей арміи въ нынѣшнюю войну, культурные люди расходятся съ народнымъ пониманіемъ, вѣрнѣе, считаютъ героизмомъ то, что не опредѣляется народомъ, какъ героизмъ.

Какъ-то въ концѣ ноября было въ газетахъ сообщеніе о переходѣ солдатами рѣки — кажется, Равы, — во время ледохода, по грудь въ водѣ,—сообщеніе, особенно взволновавшее именно проявленіемъ героизма то общество, въ которомъ я тогда жилъ. Моя знакомая дама прочитала это сообщеніе кухаркѣ. То была чудесная орловская баба, красивая и умная, строгая и жалостливая. Она выслушала это сообщеніе и сказала: — Да, это бываетъ... Со мной вотъ было. Иду домой, а рѣчка разлилась весной, ледъ ужъ пошелъ. А у насъ мостовъ нѣтъ. Ежели настоящее половодье пойдетъ, такъ и недѣлю просидишь, домой не доберешься. Ну, я подняла подолъ и пошла. Сначала и не глубоко было, а потомъ все глубже, подолъ-то на голову подняла, по самую шею. Вышла. А домой-то еще двѣ-

надцать верстъ идти. Ничего не подѣлаешь. И пошла вся мокрая, а холодно было.

Она старается понять мысль своей барыни и говоритъ:

— Нѣтъ, народъ не то, что очень здоровый, а терпѣливый. Вотъ и я валялась тогда сколько дней. И теперь въ непогоду ноги гудутъ.

И одного не поняла Матрена, что дѣло идетъ о необыкновенномъ героизмѣ, проявленномъ солдатами на рѣкѣ Равѣ. Думаю, что и солдаты, шедшіе подъ шрапнелью и пулеметами черезъ ледяную воду по грудь между льдинами, не думали, что они совершаютъ экстренный, героическій поступокъ. Они шли потому, что моста не было, а надо было идти, потому что ничего не подѣлаешь. И совсѣмъ не героическое, а обыкновенное было для нихъ это дѣло, такъ какъ мостовъ въ Россіи и въ обычной жизни мало и ихнія Матрены и безъ войны такъ дѣлаютъ.

* * *

Въ высокой степени интересны впечатлѣнія, вынесенныя Л. Н. Толстымъ, когда онъ на Кавказѣ и подъ Севастополемъ безъ созданной потомъ теоріи, просто, какъ великій художникъ, умѣвшій проникать какъ никто въ сердца людей, близко, лицомъ къ лицу, наблюдалъ и войну и тѣхъ, кто дѣлалъ войну, — впечатлѣнія, несомнѣнно, легшія потомъ въ основу его „Войны и мира“.

Кто герои у Льва Толстого въ „Войнѣ и мирѣ“? Въ общепринятомъ смыслѣ такимъ нужно бы признать прежде всего Долохова съ его безумной и вмѣстѣ холодной храбростью... А Долоховъ, по Толстому, прежде всего дурной, не хорошій человѣкъ, какъ человѣкъ, — такой, котораго, если бы онъ выросъ крестьяниномъ въ деревнѣ, непремѣнно окрестили бы словомъ озорникъ, не мірской человѣкъ, а, можетъ быть, и просто — душегубъ. А князь Андрей Болконскій, который, несомнѣнно, хотя и не въ такой степени, какъ Пьеръ Безухій и Левинъ, былъ [illegible] этому и которому отдано такъ много

толстовскаго художественнаго вниманія... Несомнѣнный герой, даже съ внѣшней стороны, — онъ такъ красиво лежалъ, покрытый знаменемъ, подъ Аустерлицемъ, а Толстой упорно и не одинъ разъ подчеркиваетъ, что онъ все хотѣлъ быть подъ Наполеона и все ждалъ своего Тулона, и тѣмъ самымъ подчеркиваетъ, такъ сказать, не русскій характеръ его героизма.

Главенствующимъ типомъ для Толстого, опредѣляющимъ существо толщи русскаго солдатства, является Каратаевъ, „круглый", наиболѣе законченный, договоренный типъ изъ другихъ Каратаевыхъ, которые разсыпаны въ разныхъ очеркахъ Толстого, начиная съ „Рубки лѣса". И наиболѣе обласканнымъ всей толстовской художественной лаской, подлиннымъ героемъ и въ глазахъ Толстого, является капитанъ Тушинъ на своей батареѣ, если позволено такъ выразиться, герой безъ героизма въ привычномъ пониманіи героизма, не думавшій и не подозрѣвавшій, что онъ дѣлаетъ геройское дѣло. И какъ Каратаевъ своей круглой, законченной, простой и вмѣстѣ съ тѣмъ мудреной психологіей покоряетъ Пьера Безухаго, воспитавшагося на иномъ пониманіи военнаго духа, такъ и капитанъ Тушинъ приковываетъ къ себѣ вниманіе гордаго и властнаго князя Андрея, все собиравшагося сдѣлаться Наполеономъ.

И оба они, и Каратаевъ и Тушинъ, и многіе другіе (изъ кавказскихъ и севастопольскихъ очерковъ), которые привлекаютъ наибольшее художественное вниманіе со стороны Толстого, принадлежатъ именно къ тѣмъ, которые идутъ на войну потому, что надо идти, и которые смотрятъ на войну, какъ на тяжелое, но важное общее дѣло, прежде всего дѣло и только дѣло.

* * *

Не только съ Наполеоновскихъ войнъ, но и съ Севастопольской войны много утекло воды. И, несомнѣнно, психологія и народа, и арміи потерпѣла за это время значительное измѣненіе. Есть основаніе думать, что ин-

дивидуальныя линіи продвинулись значительно въ толщѣ коллективной психологіи. Но и за всѣмъ тѣмъ пока, поскольку дѣло касается настоящей войны, отношеніе къ ней массы населенія и арміи остается въ основѣ прежнимъ, давнимъ, исконнымъ русскимъ отношеніемъ.

Я сознаю, что моя попытка разобраться въ психологіи народа и опредѣлить характеръ русской храбрости не удовлетворитъ многихъ, въ особенности тѣхъ, кто ищетъ непремѣнно героя и которые особенно любятъ яркія и громкія слова. И, конечно, они могутъ представить мнѣ огромное количество проявленій беззавѣтной храбрости и русской удали; но я не думаю отрицать этого и пріумалять значеніе отдѣльныхъ подвиговъ: мнѣ хотѣлось только попытаться выдѣлить основную черту русской психологіи по отношенію къ войнѣ, ту, которая покрываетъ своимъ значеніемъ эпизоды, отдѣльныя проявленія личной храбрости и которая была подлинной подосновой тѣхъ удачныхъ войнъ, которыя вела Россія.

И потомъ — какъ для кого, но для меня въ этой народной психологіи есть возвышенность, есть огромная сила. И прежде всего огромная увѣренность... Увѣренность въ томъ, что армія сдѣлаетъ до конца свое дѣло и если не побѣдитъ и не сломитъ врага, то только тогда, когда война будетъ ненужная, лишняя, по ея мнѣнію, или когда это будетъ не отъ нея, арміи, зависѣть. И думается, что народъ сдѣлаетъ и всякое другое дѣло, какъ бы оно ни было трудно, когда онъ придетъ къ заключенію: ничего не подѣлаешь, надо дѣлать.

Даже и красота есть для меня въ этомъ... Если не видѣть въ войнѣ ратной потѣхи, не искать въ ней спеціальной красоты, на что есть любители; если видѣть въ войнѣ огромное бѣдствіе, пусть пока неизбѣжное, если поэтому высоко цѣнить устраненіе изъ этого зла всего лишняго и ненужнаго, — лишней жестокости, преизбыточной вражды къ врагу, низкаго чувства мести; если благословлять миролюбіе и милосердіе въ душѣ народа, —

то будетъ подлинная красота въ томъ отношеніи русскаго народа къ войнѣ, о которомъ я говорилъ.

Можно было бы сдѣлать и нѣкоторые выводы, — важность нарочито бережнаго отношенія къ народной коллективности, необходимость и настоятельность, даже съ чисто военной точки зрѣнія, въ интересахъ обороненія государства, поднятія и образованія народа и всего тона его жизни, укрѣпленія его устойчивости въ жизни; но это выходитъ изъ рамокъ моей статьи, и пусть читатель самъ сдѣлаетъ свои выводы.

Оглавленіе.

Стр.

О томъ, что будетъ . 1

Ничего не подѣлаешь 33

Тип. „Родная Рѣчь“ МОСКВА, Криво-Арбатскій пер., 3